ВЕРШИНО

КНИГА 1

ТОТ, КТО ВЫШЕЛ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

АЙТАЛ ЕФРЕМОВ

Айтал Ефремов

Вершино. Книга 1. Тот, кто вышел

«Автор»
2026

Ефремов А.

Вершино. Книга 1. Тот, кто вышел / А. Ефремов — «Автор», 2026

Он помнит небо. Он помнит ветер. Двадцать лет Рома прожил в бетонной клетке под землёй, мечтая о мире, которого больше нет. Когда дверь бункера открывается, мечта оборачивается кошмаром. Внешний мир — это руины, радиация и жестокость, где люди стали опаснее мутантов. Единственная надежда — мифическая «земля обетованная», последний клочок чистой земли. Путь к ней усеян кровью. Союзники могут предать, а любовь, найденная среди руин, стать самым опасным оружием. Сможет ли Рома дойти до конца и какую цену он готов заплатить за право узнать правду?

© Ефремов А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. ТЕНИ ПРОШЛОГО 5
Глава 2. ЗОВ ПУСТОТЫ 12
Глава 3. ПРИГОВОР И ПОБЕГ 19
Глава 4. ЗА ГЕРМОЗАТВОРОМ 25
Глава 5. УРОКИ ВЫЖИВАНИЯ 30
Глава 6. НОВЫЙ МИР 38
Глава 7. ЧУЖОЙ ПОРОГ 45
Глава 8. ТЕНЬ НА ПОРОГЕ 49
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Айтал Ефремов
Вершино. Книга 1. Тот, кто вышел

Глава 1. ТЕНИ ПРОШЛОГО

Сон всегда приходил к Роме не целостной картиной, а чехардой обрывков. Точно сломанный проектор выстреливал случайные кадры из давно выцветшей плёнки.

Вот он, четырёхлетний, босиком бежит по асфальту, тёплому после только что прошедшего летнего дождя. Пятки шлёпают по лужам, в которых дрожит и мнётся отражение уличных фонарей. Он пытается поймать собственную тень — длинную, уродливую, убегающую от него.

Вот внезапный подъём в воздух. Мамины руки, пахнущие духами и чем-то родным, печёным. «Смотри, Ромчик, одуванчик! Лови!» Белый пушистый шарик ускользает, рассыпаясь на парашютики.

Вот сильные, привыкшие к дисциплине пальцы отца сжимают его плечо. Голос суровый, но с непрошеной теплотой где-то глубоко внутри: «Крепись, сынок. Мужики не плачут».

А потом — резкий скрип, будто ту самую плёнку порвали. Тёмный кадр. Давка в узком коридоре, где пахнет потом, страхом и металлом. Крики, заглушаемые оглушительным рёвом механизмов где-то выше. Грохот захлопывающихся стальных дверей — от которого закладывает уши.

И тишина, не отсутствие звука, а нечто живое и гулкое. Тишина подземелья, ставшая саундтреком на двадцать лет.

Рома открыл глаза, вглядываясь в знакомый до боли потолок. Над его кроватью тянулась старая светодиодная лента. Её голубоватый, безжизненный свет был выверен до милливатта — экономия ресурсов.

Это сияние отражалось в полированных поверхностях вентиляционных труб, опоясывавших комнату, создавая призрачные блики. Воздух пах озоном от фильтров, сладковатой пылью рекуператоров и домом. Так пах их Блок. Так, по его убеждению, должен был пахнуть весь мир.

Он потянулся. Пружины кровати отозвались привычным, утробным скрипом. Комнатка, которую он делил с Петькой, была крохотной: шесть шагов в длину, четыре в ширину. Каждый сантиметр здесь был обжит, осмыслен, превращён в крепость.

Стены из пористого серого бетона скрывали самодельные обои — калейдоскоп из старых географических карт с неведомыми странами, выцветших иллюстраций из журналов «Вокруг света», детских рисунков, заботливо покрытых слоем лака.

На полке над изголовьем, как на алтаре, стояли артефакты старого мира: пластиковая машинка с отколотым колесом, три загадочные ракушки, подаренные когда-то Петькиной мамой («С южного моря, сынок, там тепло»), и самая ценная реликвия — потрёпанная книга «Волшебник Изумрудного города» с иллюстрациями, выцветшими до бледно-розовых и салатовых пятен.

Рома провёл пальцами по гладкой, прохладной странице. Он уже не помнил радости той жизни. Вернее, помнил, но эти воспоминания превратились в гербарий — плоские, засушенные образы без запаха и тактильных ощущений.

Они не пахли тем ветром, что гулял во дворе, смешивая ароматы цветущих лип, речной сырости и далёких полей. Не шуршали тем дождём, от которого мама закутывала его в свой большой плащ, а он смеялся, пытаясь поймать струйки языком.

Остались лишь имена, выжженные в сознании горьким вкусом потери: Лидия и Александр, его родители.

Последний кадр: отец в расстёгнутой военной форме, его шершавые ладони на детских плечах. Он что-то говорил. Что именно — Рома не мог вспомнить, сколько ни бился. Осталось лишь смутное ощущение, похожее на обещание: «Я вернусь».

Но не вернулся.

— Эх — тихо выдохнул Рома, спуская ноги на холодный пол.

Линолеум был потёрт до дыр возле кровати и у двери — следы двух десятилетий жизни. Он натянул простой хлопковый комбинезон, а поверх — синий рабочий, весь в аккуратных, почти невидимых заплатках на коленях и локтях. Работа Петьки: тот хоть и был клоуном, но шил волшебно.

Чёрные армейские берцы, тяжёлые, неубиваемые, за несколько лет принявшие форму его ноги. Берцы, которые достались по наследству от старого механика.

Дверь распахнулась, и в комнату ворвался, будто ураган в человеческом обличье, Пётр Александрович, он же Петька.

— Ромыч! Проснись уже! Хватит в потолок плевать!

— Фёдорович нас уже, наверное, с караулом ждёт. Я вчера, представляешь, энергосберегающие лампы в общий зал вкрутил. Так баба Маня чуть не прибила меня шваброй! Орёт: «Убери свою мертвечину, у меня от этого холодного света мигрень!» Ха-ха!

Рома невольно ухмыльнулся. Петька в свои двадцать шесть оставался вечным двигателем Блока, источником хаоса и света в равной мере. Рыжие вихры, которые не брала никакая расчёска. Веснушчатое лицо с постоянной готовностью к авантюре. Глаза, вечно ищущие повод для шутки или приключения.

— Не ори, — проворчал Рома, завязывая шнурки. — Проснулся я. А с лампами сам нарвался. Надо было спросить.

— Да брось ты! Оживляем интерьер! — Петька щёлкнул выключателем.

Новая лампа на потолке вспыхнула ярким, почти белым светом, заливая комнату неестественным, но таким желанным сиянием.

— Видишь? Почти как ну, как тогда. Помнишь солнце?

Рома задумался.

Солнце Он помнил его не как шар на рисунках, а как общее ощущение: тепло, разливающееся по лицу, свет, от которого щуришься, длинные чёткие тени на асфальте. Детская память стёрла детали, оставив лишь смутный образ чего-то огромного, доброго и важного, что осталось там, наверху. Теперь это казалось красивой, но невозможной сказкой.

— Чего ты, мечтатель? — Петька плюхнулся на свою кровать, скрестив ноги. — Опять про старый мир думал? Тебе тогда сколько было? Три? Пять?

— Четыре, — тихо ответил Рома, отворачиваясь, чтобы застегнуть комбинезон.

Эти обрывки были слишком личными, слишком хрупкими, чтобы делиться даже с лучшим другом. Они были его последней связью с чем-то настоящим.

— Четыре — протянул Петька. На мгновение в его живых глазах мелькнула несвойственная ему тень. — Мама говорила, ты тогда совсем крохой был, но ни слезинки. Стоял у стенки, смотрел на всех такими огромными, взрослыми глазами. Она сразу сказала: «Этот — крепкий. Выживет». И не ошиблась.

Он вскочил, хлопнув Рому по плечу с такой силой, что тот качнулся.

— Давай-давай, побежал я! Не хочу, чтобы Фёдорович нам сегодня весь малиновый рассвет испортил. А ты догоняй!

Петька вылетел в коридор. Его быстрые шаги отдавались гулким, беззаботным цоканьем по металлическим пластинам настила.

Рома вышел следом.

Утренняя жизнь Блока 7 была похожа на работу отлаженного, шумного механизма. Коридор, узкий и длинный, как артерия подземного левиафана, гудел голосами.

Мимо пронеслась ватага детей лет семи-восьми — чистые, здоровые лица, яркие глаза. Они родились здесь и не знали другого мира. Их смех звенел о стены — беззаботный и страшный в своей нормальности.

Из двери напротив вышла тётя Глаша, несла она корзину с бельём. Её лицо, испещрённое морщинами-картами прожитых лет, при виде Ромы смягчилось.

— Роман, доброе утро. Петьку уже успела увидеть! Мелькнул как шальная пуля.

— Доброе, тётя Глаша.

— К Фёдоровичу? — Она кивнула в сторону административного крыла. — Берегите его, старика. Не выводите из себя. Нервы у него, знаешь, не железные.

Она улыбнулась одними глазами и поплелась дальше, к постирочной. Её тапочки зашуршали по полу.

Блок жил по своему, выверенному двумя десятилетиями, расписанию. Смена фильтров вентиляции. Проверка гидропонных грядок в агросекторе — там под фиолетовыми лампами зрели бледные, но жизненно важные помидоры и зелень.

Занятия в школе, где учили не только математике, но и устройству систем жизнеобеспечения. Дежурство на кухне. Работа в мастерских.

Сто двадцать шесть душ. Одна большая, вынужденно близкая семья, где все друг друга знали, все были на счету. Здесь не было места чужакам. Здесь нельзя было быть чужим.

Рома шёл медленнее Петьки, впитывая привычные детали, будто видел их в последний раз.

Вот на стене, у развилки, висел «Уголок Памяти». Под стеклом — несколько потускневших, заламинированных фотографий первых лет жизни в Блоке: люди с испуганными, но полными надежды глазами. Списки погибших во время «Большой Паники» — короткого, но кровавого бунта на пятом году изоляции, когда отчаяние взяло верх над разумом.

Рядом висела стенгазета, которую вёл Петька. Сегодня на первой полосе красовалась карикатура: Фёдорович в виде сурового, но доброго медведя в фартуке, раздающего детям конфеты (которых, конечно, не было).

Из приоткрытой двери столовой тянуло успокаивающим запахом овсяной каши и травяного чая. Стандартный, сытный, без изысков завтрак.

Рома свернул в более широкий, «официальный» коридор, ведущий к административной зоне. Стены здесь были окрашены в бледно-зелёный «успокаивающий» цвет, который с годами лишь стал напоминать цвет болезни.

Он дошёл до знакомой двери, обитой потёртым, линялым кожзамом. Сделал паузу, собрался. Три чётких, негромких стука — как когда-то учил отец Или это он сам придумал?

— Доброе утро, Тимофей Фёдорович. Разрешите войти?

Из-за двери донёсся глубокий вздох и знакомый, хрипловатый от утренней сигареты или бессонницы бас.

— Ромка, ну сколько можно «Тимофей Фёдорович» — это я в прошлой жизни, может, и был. Сейчас просто Фёдорович. Проходи, проходи.

Рома открыл дверь и замер на пороге.

Кабинет Фёдоровича наверняка был самым просторным нежилым помещением в Блоке и, несомненно, самым шикарно обставленным. В центре большой овальный стол из светло-серого, практически неубиваемого пластика. Вокруг него — десяток стульев.

Здесь раз в неделю собирался Совет Блока, решая вопросы от распределения пайков до воспитательных мер для того же Петьки.

Во главе стола стоял главный символ власти и ответственности: массивное, потёртое до дыр, но всё ещё величественное кожаное кресло. И в нём, как капитан на мостике тонущего корабля, восседал Тимофей Фёдорович.

Но не это привлекло внимание Ромы.

Воздух в кабинете был густым, атмосфера почему-то показалась ему тревожной. Фёдорович, обычно невозмутимый, как скала, сидел ссутулившись и водил пальцем по какому-то рапорту. Его лицо, обычно открытое, с живыми, умными глазами, сейчас было скрыто тенью от нависших седых бровей.

Рядом, развалившись на стуле и явно борясь со сном, сидел Петька. Но и его обычная развязность куда-то испарилась.

На стене за Фёдоровичем красовалась подробная схема Блока — настоящая нервная система их подземного дома. Мерцающие лампочки показывали состояние систем: вентиляция (стабильный зелёный), энергия (зелёный), вода (зелёный).

И одна-единственная, в верхнем секторе, помеченном как «Тех. ярус 1, шлюзовой отсек», мигала прерывистым, тревожным жёлтым.

— Что ж, — откашлялся Фёдорович, откладывая бумагу, — Раз уж все в сборе Петр Александрович, просыпайся. Дело серьёзное.

Петька вздрогнул и выпрямился, пытаясь придать лицу выражение деловой собранности.

— Фёдорович! — рявкнул он с такой готовностью, будто ждал этой команды десятилетиями. — Мы технику безопасности знаем как «Отче наш»! Оголённые провода не трогать, пальцы в розетки не совать, защиту носить, перед работой молиться хэ-хэ!

Он сам неуверенно хихикнул, но смех замер в воздухе, не встретив отклика.

Фёдорович медленно поднял на него взгляд. В его серых, пронзительных глазах, обычно добродушно-усталых, не было ни капли веселья. Была лишь холодная, отточенная годами решимость.

— Я тебе сейчас по лбу дам, Петя, — тихо, но очень чётко произнёс он. — И никакая защита не поможет. Сегодня не до шуток. Сесть. И молчать.

Петька, будто облитый кипятком, мгновенно смолк и съёжился на стуле, превратившись из урагана в испуганного подростка.

Рома почувствовал, как по спине пробежали ледяные мурашки. Он видел Фёдоровича сердитым, строгим, смертельно усталым. Но таким сконцентрированным, будто перед решительным броском, — никогда.

Фёдорович отхлебнул из эмалированного стакана чай, который, судя по отсутствию пара, уже остыл. Затем поставил стакан с глухим стуком.

— На самом верхнем техническом ярусе, — начал он, четко произнося каждое слово, — в районе магистрального кабеля, ведущего к наружному гермозатвору и лифтовой шахте, произошло замыкание. Мощный, нештатный скачок. Система аварийного питания сработала, но проблема осталась. Если её не устранить, через сутки-двое мы можем потерять сорок процентов мощности.

Он сделал паузу, давая информации усвоиться.

— Степан Степанович, ваш учитель Он лучший механик, каких я знал за всю жизнь. Но ему, Ромка, семьдесят два. И его колено после того старого перелома Он на лестницу-то на второй этаж с трудом поднимается. А там — вертикальная шахта. Сорок метров по почти отвесным, скользким ступеням.

Он покачал головой.

— Он не полезет. Да я ему и не позволю. Так что вы там будете сами.

Рома кивнул, сглотнув комок в горле. Степанович был для них больше чем учителем — хранителем знаний, мудрым, вечно ворчливым дедом, который мог починить всё от детской игрушки до сердца водоочистной станции.

— По лестнице? — не выдержал Петька. На этот раз его голос звучал не дерзко, а с неподдельным, ребячьим удивлением. — А лифт? Лифт же там есть!

— В том-то и вся загвоздка, — вздохнул Фёдорович, потирая переносицу так, будто хотел стереть с лица усталость. — Из-за этого самого замыкания управляющая плата лифта, похоже, сгорела. Лифт мёртв. И не только он — часть освещения на верхнем ярусе отключилась.

Он замолчал, подбирая слова, которые не хотелось произносить вслух.

— И, что самое неприятное, скачок был такой силы, что сработала часть аварийных протоколов. В том числе протокол по наружному гермозатвору.

В кабинете повисла тишина, лишь слово «наружный» звенело в ушах набатом.

— Он открылся? — спросил Рома. Его собственный голос показался ему далёким, чужим.

— Не полностью. Основная бронезаслонка, слава богу, на месте. Но внешний контур уплотнения, так называемая «губа», отошёл. Образовалась щель. Для человека — микроскопическая, пара сантиметров. Но достаточно большая, чтобы внутрь попало ну, всё, что снаружи.

— Радиация, — безжизненно, констатируя факт, произнёс Петька. Всё его озорство, весь задор испарились, оставив лишь бледный румянец.

— Радиация, — подтвердил Фёдорович, кивнув. — Уровень фона на поверхности, по последним довоенным расчётам, за двадцать лет должен был сильно упасть. До приемлемого. Но «сильно» — не значит «до нуля». И потом, мы эти расчёты ни разу за всё это время не проверяли. Никто не выходил.

Он перевёл дыхание.

— Ваша главная задача — найти источник замыкания, устранить его и вручную, через аварийный привод, перезапустить протокол герметизации. Затвор должен закрыться наглухо. Сталь к стали. Раздобудьте химкостюмы и противогазы.

Он посмотрел на них обоих. В его взгляде, обычно скрытом под маской начальника, теперь была неприкрытая, отцовская тревога.

— И есть ещё один нюанс. Чисто гипотетический.

Фёдорович замялся, что было для него крайне нехарактерно. Он всегда говорил прямо.

— Замыкание было несколько часов назад. Мы не знаем, что могло его вызвать. Старая проводка? Возможно. Но если щель была достаточно долго открыта, туда могло что-то просочиться с поверхности.

— Просочиться? — выдохнул Рома. Его голос дрогнул.

Он вспомнил страшные, наверняка приукрашенные истории, которые иногда, после второй кружки самогона из гидропонной картошки, рассказывали старики в День Памяти у макета камина. Истории о шестиногих тенях и рыскающих в темноте парах красных глаз.

— Не знаю, — честно, без утайки ответил Фёдорович. — Может, просто крысы, мутировавшие за поколения в темноте. Может, плесень, пожирающая изоляцию. А может, и ничего. Но гипотезу надо проверить. Поэтому с вами пойдёт Денис из охраны. С оружием.

Петька хотел что-то сказать, глаза его загорелись азартом при слове «оружие», но Фёдорович резко, как ножом, подрезал его жестом поднятой руки.

— Тише. Главное правило: никакой паники, никаких лишних разговоров. Никто в Блоке, кроме нас четверых и Степановича, не должен знать деталей. Не хватало нам слухов, которые поползут по коридорам быстрее пожара. Люди и так напуганы, живут на нервах. Поняли?

Петька с Ромой кивнули, будто синхронные марионетки.

— Хорошо. Собирайтесь. Инструменты, костюмы, фонари. Встречаемся у поста охраны через сорок минут. Ромка, останься на минуту. Петя, можешь идти.

Когда дверь за Петькой закрылась с тихим щелчком, Фёдорович откинулся в своём кресле-троне. Вся тяжесть лет, ответственности и невысказанного груза разом легла на его плечи. Он вдруг показался Роме не начальником, а просто очень усталым, пожилым человеком.

— Садись, — сказал он уже не приказывающим тоном, а приглашающим.

Рома сел на краешек стула напротив.

— Я не всё сказал при Петре, — начал Фёдорович, понизив голос до доверительного шёпота. — Он храбрый, душа нараспашку. Но импульсивный. А тебе, Ромка, нужно знать всю правду.

Он помолчал, собираясь с мыслями.

— Мы, люди из бункеров, не были наверху с самого Дня Нулевого. Никто. Все расчёты по радиации это всего лишь теории, основанные на полураспаде изотопов, о которых мы читали в книгах. Реальность может оказаться другой. Возможно, дышать там уже можно. А возможно, один глоток того воздуха — и лёгкие сгорят за считанные дни.

Фёдорович посмотрел Роме прямо в глаза.

— Мы не знаем. Мы в полной тьме. И про то, что могло заползти Про щель, Ромка, я думаю, она не микроскопическая. Хотя так и сказал при Петре — сам знаешь его. Конечно, гермозатвор открылся не полностью, но более чем достаточно. Я скептик, но мало ли кто или что могло зайти внутрь. Ты меня понял?

Рома кивнул, сглотнув сухой, колючий комок в горле. Он все прекрасно понял — они шли не на ремонт. Они шли в абсолютную неизвестность, на край их маленького, хрупкого мира.

— Денис — хороший мужик, спокойный, знает, что такое дисциплина. Он будет вас прикрывать. Но ты, Ромка, — Фёдорович ткнул указательным пальцем в воздух по направлению к его лбу, — ты там главный по ремонту. И главный вот по этому.

Он открыл нижний ящик стола и вытащил небольшой бледно-серый прибор с аналоговой шкалой и динамиком. Дозиметр.

— Если стрелка поползёт в красную зону, или эта штука начнёт трещать, как сумасшедшая сорока, — немедленно вниз. Без споров, без геройств. И чтоб вернулись целыми. Все трое. Это не просьба. Это приказ.

Он встал, с трудом разгибая спину, подошёл и положил свою тяжёлую, мозолистую руку на плечо Ромы. Прикосновение было неожиданно тёплым и отеческим.

— Иди. И да хранит тебя Бог, сынок. Которого, может, и нет. Но иногда в Него очень хочется верить.

Рома вышел из кабинета и медленно пошёл в сторону своей комнаты. В ушах гудело, как в раковине: наружный гермозатвор поверхность радиация И сквозь этот гул пробилась другая, навязчивая мысль, яркая и пугающая:

«Неужели я её увижу? Ту самую, из снов и забытых картинок? Пусть даже мёртвую, пусть даже на мгновение»

— Ромка! Эй, Земля вызывает Ромку!

Рома вздрогнул. Он на автомате прошёл мимо своей комнаты и стоял теперь у развилки, ведущей в агросектор, откуда тянуло влажным запахом растительности и удобрений.

Перед ним, уже с двумя набитыми сумками, стоял Петька. Одну он протянул Роме.

— Держи. Сегодня нам эти игрушки пригодятся. Кстати, дыру в твоей сумке я уже залатал, пока ты там с начальством беседовал.

— Ты куда это шёл? В помидоры записываться? Или Фёдорович тебя сначала за картошкой отправил? — попытался пошутить Петька.

Шутка вышла плоской и натянутой. Его собственное лицо было непривычно серьёзным, а глаза бегали.

— Нет, — Рома потёр виски, где начинала стучать первая, тревожная головная боль. — Просто задумался.

— О чём? О том, как там, наверху? — Петька понизил голос до шёпота и придвинулся ближе. — Слушай, а что, если Фёдорович что-то недоговаривает?

— Не знаю, Петь. Не знаю, — честно ответил Рома. — Но страшновато.

— Да, — просто и без всяких прикрас сказал Петька.

В этом коротком, сдавленном слове было больше понимания и братства, чем в любых длинных речах.

— Ладно, пошли к Степановичу.

Они пошли обратно, минуя общий зал. Утренняя жизнь блока кипела. В углу, на импровизированной площадке, дети под присмотром воспитательницы играли в «классики» — клетки были обозначены на полу разноцветным скотчем. Дети беззаботно смеялись.

У стойки библиотеки вечно недовольная, но добрая тётя Зина выдавала кому-то толстый том технического справочника. В воздухе висел деловой гомон — звук нормальной размеренной жизни, которая вот-вот могла перевернуться с ног на голову.

«А что, если мы последние?» — внезапно, как удар током, пронзила Рому мысль. Он смотрел на смеющихся детей. «Последние люди на Земле, играющие в классики под искусственным солнцем, пока там, наверху, ветер гуляет по руинам и воет в пустых заброшенных домах?»

«Нет», — тут же оборвал он мысль, с силой сжимая ручки сумки. Не может этого быть. Просто не может. Где-то должны быть другие.

Он сглотнул, заставил себя двинуться и ускорил шаг, следуя за рыжей, беспокойной головой Петьки, который прокладывал путь сквозь толпу к мастерской, к их старому учителю. К их «сенсею», как в шутку называл его Петька. Этот старик за годы научил их всему — от починки проигрывателя до тонкостей ремонта самого сердца Блока — системы жизнеобеспечения.

И сейчас, идя за Петькой, Рома чувствовал — чувствовал всем нутром, подсказывающим обычно верные решения, — что его ждёт не просто ремонт. Ему стало казаться, что то, что ждёт его впереди, может изменить всё.

Глава 2. ЗОВ ПУСТОТЫ

Дверь в мастерскую Степановича была не просто металлической плитой. Она была памятной доской, хроникой их взросления.

Посередине — строгая заводская табличка: «Мастерская А.С. Степановича».

Снизу, криво, но намертво приваренной полосой, красовалось дополнение: «и пацанов». Эту вольность Петька совершил пару лет назад, в день своего двадцатилетия. «Ну, ведь это и наша мастерская!» — оправдывался он потом, отсиживаясь за чисткой картофеля за самовольное использование сварочного аппарата.

Степанович тогда бушевал, грозился вырвать табличку вместе с куском стены, но так и не сделал этого. Может, пожалел сварку. А может, в глубине души был не против.

Петька, как всегда, влетел без стука.

— Доброе утро, о великий сенсей! Покорные самураи явились за наставлением и смертоносным клинком! — выпалил он, расставив ноги в театральной позе.

Откуда он только брал эти слова? Они с Ромкой, конечно, прочитали почти всю библиотеку Блока — от технических справочников до потрёпанных романов. Но у Петьки был дар: он впитывал образы, словно губка, и выдавал их в самые неожиданные моменты.

В центре комнаты, под единственной яркой лампой, сидел Степанович. Он не обернулся.

В его крепких, покрытых старческими пятнами и шрамами руках примостился паяльник. Дымок тонкой струйкой поднимался к потолку, растворяясь в запахе машинного масла, старой изоляции и табака.

— А, самураи, — хрипло отозвался старик. — Фёдорович звонил. Говорит, на верхний ярус вас отправляет. Доросли, видать.

Он отложил паяльник, с трудом поднялся, опираясь на стол. Колено, сломанное в далёкой молодости, не гнулось. Степанович двигался, раскачиваясь, как старый морской волк на палубе.

Жилистый, почти лысый, с густыми чёрными бровями, которые казались несоразмерно большими для его маленького, умного лица. Глаза-буравчики, способные разглядеть суть любой поломки сквозь слои ржавчины и времени.

— Собирать вас буду. И инструктировать.

Он подошёл к стеллажам, заставленным ящиками с безымянными деталями, самодельными приборами и консервными банками с этикетками «Болты М6», «Диоды», «Провода».

Степанович был не просто механиком. Он был алхимиком, превращавшим хлам в ресурсы. Его главная валюта — самокрутки из сушёных листьев гидропонного табака с добавлением бог весть чего. Люди говорили, курились они почти как старые «Кэмел». За пачку таких можно было выменять почти что угодно.

— Подниметесь, — начал он, снимая с полки тугие свёртки инструментов. — Кабель магистральный идёт к щитку У-3. Там, думаю, собака и зарыта. Инженеры, мать их, всё спутали.

Он поднял палец, привлекая внимание.

— Запомните: кабели идут вдоль западной стены. Идите по ним. Не сворачивайте. Щиток У-7 можете глянуть мельком, если У-3 в порядке, не лезть!

Он протянул Петьке не просто бумажку, а настоящую реликвию — многослойную, заламинированную скотчем карту верхнего технического яруса.

Петька почти вырвал её, развернул и начал водить пальцем, морща нос, словно читал древние руны.

— Балда, — беззлобно бросил Степанович. — Ромка, слушай сюды.

Он повернулся к Роме. В глазах его исчезла привычная едкая усмешка. Взгляд стал прямым, тяжёлым.

— Вот приборы. Пользоваться умеете. Два запасных фонаря ещё возьмите.

Он понизил голос.

— Фёдорович, поди, дозиметр дал? Если запищит, если стрелка в красное — разворачиваетесь и бежите. Мне мёртвых учеников не нужно, а то получится, зря я вас столько лет учил. Понял? Вы, считай, мои руки. А руки должны быть целы.

Рома кивнул, сжав челюсти. Степанович никогда не говорил так.

— Противогазы вам выдали новые, — добавил старик, указывая на два короба в углу. — Не те учебные, с дырками, что тут валяются. И маски не снимать ни на секунду.

Последнюю фразу он произнёс так тихо, что Рома едва расслышал.

Сумки оказались тяжёлыми, будто набитыми не инструментами, а свинцом.

По дороге к посту охраны Петька нервно болтал, но Рома почти его не слушал. Он наблюдал за жизнью в Блоке, но теперь видел её иначе.

Вот дети бегут на урок — их смех теперь казался хрупким, как стекло. Вот тётя Глаша развешивает бельё — её размеренные движения выглядели обречёнными.

Пост охраны располагался за тяжёлой бронированной дверью, ведущей в технические лабиринты. Возле неё, на стуле, который казался игрушечным под его громоздкой фигурой, восседал дядя Саша.

«Суровый» — это прозвище он получил ещё тогда, когда Рома и Петька были детьми. Не из-за характера, а из-за размеров. Больше двух метров ростом, ширина плеч, с которой мог бы поспорить шкаф-купе, и руки, каждую из которых Рома мысленно сравнивал с окороком.

Рома был высоким и крепким, Петька — жилистым. Но рядом с дядей Сашей они ощущали себя подростками.

— Здорово, дядь Саш! — неожиданно жизнерадостно выкрикнул Петька.

— А вы чего тут бродите? — промычал великан, даже не поворачивая головы. — Рабочий день не кончился. Старика своего опять одного бросили?

— У нас спецзадание! — важно, но с торчащими ушами сообщил Петька.

— Какое ещё спецзадание? А ну-ка подойди, я тебе сейчас покажу спецзадание

Он начал медленно, как башня, разворачиваться. Рома уже представил, как Петька сейчас поседеет. Но дверь поста охраны распахнулась.

— Ты чего это, Сашка, пацанов пугаешь? — вышел Фёдорович. За ним, словно тень, показался Денис.

Дядя Саша замер.

— Да я так Профилактическую беседу хотел провести, Фёдорович. Чудят тут про какое-то задание

Фёдорович бросил на Петьку взгляд, от которого тот съёжился.

— Говорилось же, ни слова.

— Я ничего! — взвизгнул Петька. — Спецзадание бывает разное! Может, я посуду мыть иду!

— Так и будет, — сухо парировал Фёдорович. — Три дня на кухне. После того, как спустишься. Сиди, Сашка.

«Медведь» послушно опустился на стул. Тот жалобно скрипнул.

Только теперь Рома разглядел Дениса. Мужик лет сорока, стриженный под ноль, с прямым, как жердь, позвоночником. На нём была форма охраны, которая сидела по-военному чётко.

За спиной — компактный автомат АКСУ. Ствол и магазин блестели густой, свежей смазкой. На поясе красовался пистолет в кобуре. Оружие выглядело новым, словно только что из запасов, законсервированных на чёрный день.

— Ладно, Рома, — Фёдорович положил руку ему на плечо. — Повтори задачу.

— Подняться на верхний технический ярус. Найти и устранить замыкание, вероятнее всего в щитке У-3. Проверить У-7. Вручную запустить протокол герметизации наружного затвора. Каждые двадцать минут выходить на связь. Приборы не снимать.

— Главное? — пристально глядя в глаза, спросил Фёдорович.

— Если дозиметр сойдёт с ума — немедленно вниз.

— Молодец. Сначала переодеваетесь, потом уже можете подниматься.

В голосе старого начальника слышалась усталость, которую не скрывала даже привычная строгость.

Путь по техническому коридору занял несколько минут. Воздух здесь был холоднее, пах металлом и озоном. Денис шёл впереди. Его шаги были чёткими и бесшумными. Петька нервно покусывал губу, разглядывая карту. Рома нёс основную часть инструментов, ремни его сумки впивались в плечи.

Наконец они упёрлись в неприметную дверь с кодовым замком. Рома набрал комбинацию на шипящем от статики замке. Механизмы внутри щёлкнули, зашипели. Дверь отъехала в сторону, открывая чёрный, пахнущий сыростью и машинным маслом провал.

Лестница.

Она уходила вверх, теряясь в темноте. Ступени были металлические, решётчатые, покрытые толстым слоем пыли и ржавчины. Аварийные лампы, вделанные в стену через каждые пять метров, горели тусклым багровым светом, создавая зыбкие, прыгающие тени.

— Я первый, — тихо сказал Денис, проверяя крепление автомата на груди. — За мной пойдёт Ромка, потом Пётр. Дистанция — три ступени. Не торопиться, смотреть под ноги, никаких разговоров.

Он шагнул в темноту. Рома глубоко вдохнул и последовал за ним.

Подъём был адом. Не столько физически, сколько психологически. Сорок метров по вертикальной лестнице в полном обмундировании, с противогазом, в котором моментально скапливался конденсат.

Дыхание становилось громким, свистящим. Фонарь, прикреплённый к груди, выхватывал из мрака клочки старой паутины, потёки ржавчины на стенах, похожие на кровавые следы.

Каждые двадцать ступеней Денис останавливался, прислушивался. Тишина была абсолютной, гулкой, давящей. Только скрип ступеней под ногами да тяжёлое дыхание в противогазах.

На полпути спина Ромы онемела от боли, а руки задрожали от напряжения. Он посмотрел вниз. Петька, шедший за ним, казался маленькой, сгорбленной фигурой в багровом свете. Сверху — бесконечная чёрная шахта.

— Приём, — голос Дениса в рации прозвучал неожиданно громко. — Половина пути пройдена. Проблем нет.

— Принято, — донёсся сдавленный голос Фёдоровича.

Ещё минута каторжного подъёма. И вдруг Денис, шедший впереди, замер. Рома чуть не впёрся ему в ногу.

В метре над головой начальника охраны виднелся круглый стальной люк с массивной ручкой.

— Люк, — коротко бросил Денис.

Он упёрся плечом в холодный металл, набрал воздуха и резко дёрнул ручку на себя. Раздался скрежет закисших механизмов. Люк с тяжким стоном отвалился в сторону, открывая проём.

Холодный, совсем другой воздух ударил в лицо Ромы — даже сквозь фильтры противогаза. Он пах пылью, озоном и чем-то ещё пустотой?

Они вывалились в небольшое помещение — распределительный узел. Пыль лежала здесь толстым, нетронутым ковром. Рома огляделся и увидел лишь голые стены из грубого бетона. Единственный источник света — тусклая красная лампа где-то у потолка.

Денис молча закрыл люк. Щёлкнул замком.

— Карта, — прошептал он.

Петька дрожащими руками развернул ламинированный лист.

— Вперёд метров сто. Потом развилка. С левой стороны щиток У-3. Дальше прямо к гермозатвору и лифту.

— Пошли.

Движение по коридору верхнего яруса было похоже на прогулку по кишечнику давно умершего великана. Аварийное освещение отбрасывало длинные, искажённые тени. Воздух был неподвижным и спёртым.

По стенам, за толстым слоем пыли, угадывалась паутина из кабелей, трубы, щитки с потухшими индикаторами. Каждый шаг поднимал облачко пыли, которое медленно кружилось в луче фонаря.

Они вышли к щитку У-3 — огромной металлической коробке, покрытой слоем серой грязи. Рома откинул тяжёлую дверцу. Внутри пахло гарью и пластмассой.

Петька посветил внутрь.

— Вот он, красавец, — прошептал Рома, указывая на почерневший блок предохранителей и несколько оплавленных проводов.

Работа в толстых прорезиненных перчатках казалась пыткой: пальцы не слушались, мелкие винтики выскальзывали. Петька светил, постоянно ёрзая и косясь в темноту коридора, где, прислонившись к стене, стоял Денис.

Он не двигался. Только глаза его за стёклами противогаза методично сканировали окружающую их темноту.

— Сколько, Ром? — тихо спросил Денис, не оборачиваясь.

— Десять минут, — сквозь зубы ответил Рома, стараясь закрепить новый провод.

Прошло пятнадцать. Наконец последний контакт был зажат. Рома щёлкнул тумблером.

Раздалось тихое жужжание. Красное аварийное освещение мигнуло и сменилось на тусклое, но более привычное жёлтое. Стало чуть светлее, но облегчения это почему-то не принесло. Теперь они видели весь ужас запустения: горы хлама, обвалившуюся штукатурку, ржавые подтёки на стенах.

— Ладно, — выдохнул Рома, пытаясь вытереть пот со лба — казалось бесполезный жест в противогазе. — Идём к гермозатвору. Проверим его, потом лифт.

Они пошли дальше, к концу коридора.

И вот показался он.

Гермозатвор был похож на крышку гигантского банковского хранилища, врезанную в стену. Массивный стальной диск диаметром в четыре метра, с тяжёлыми шпингалетами и зубчатым механизмом по окружности.

И он был приоткрыт.

Не на сантиметры, как говорил Фёдорович. Щель между створкой и корпусом была шириной в добрых полметра. Чёрный, дышащий холодом провал во внешний мир.

— Нифига себе «пара сантиметров» — негромко присвистнул Петька.

В его голосе впервые зазвучал искренний страх.

Денис резко поднял руку, приказывая остановиться. Он присел, направил луч фонаря на пол перед затвором.

В толстом слое пыли чётко отпечатались следы. Следы сапог. Они шли от щели внутрь, по коридору. Один след был чётким, другой — волочащимся, с бороздой, как будто что-то тащили.

— Свежие, — глухо констатировал Денис.

Он плавным, отработанным движением снял с предохранителя свой АКСУ. Щелчок затвора прозвучал оглушительно громко в мёртвой тишине.

— Ромка, закрывай затвор. Вручную, через аварийный штурвал. Петька, свети ему. Я прикрываю.

Рома кивнул и двинулся к массивному колесу на стене рядом с затвором, но его взгляд неотрывно следил за чёрной щелью, из которой тянулся слабый поток воздуха. Запахло дождем, сыростью и гнилью. Это был тот самый запах, который иногда ему снился и тут же забывался.

Руки сами потянулись не к штурвалу, а к краю стального диска. Он шагнул вперёд.

— Ромка! Куда?! — чуть ли не вскрикнул Денис.

Но было поздно.

Рома шагнул и замер, у него перехватило дыхание.

Перед ним была не картинка из книг, не абстрактное «наружу». Перед ним был мир. Мёртвый город Вершино. Ночное Вершино.

Луна, полная и болезненно-яркая, висела в разорванном облаками небе. Её свет лился на руины, превращая их в декорации чудовищного спектакля.

Скелеты высоток чернели на фоне сизого неба, как сломанные зубы. Крыши провалились, стены обрушились, открывая взгляду чёрные глазницы квартир. По улицам, заваленным плитами, ржавыми автомобилями и неопознанным хламом, стелился низкий туман. Где-то вдалеке темнел силуэт бывшего завода с покосившимися трубами. Всё было окрашено в оттенки серого, серебристого и чёрного. Ни огня, ни движения. Только ветер гулял по улицам, завывая в пустоте.

Но это была не совсем смерть. Из трещин в асфальте пробивались клочья бурой травы. По стенам ползли тёмные подтёки мха. Жизнь, упрямая и чужая, уже отвоёвывала своё.

И прямо перед ним, среди темноты, метрах в пятидесяти от входа в бункер, стояла фигура. Тёмная, неясная. Прислонившись к обгоревшему остову грузовика.

Человек?

Сердце Ромы колотилось так, что ему казалось — его услышат на другом конце города. Он сделал шаг вперёд, целиком выйдя из-под прикрытия затвора.

Холодный ночной воздух обнял его, казалось, он просачивался сквозь толстую ткань костюма. Он попытался вдохнуть — сквозь фильтры пахло не озоном и пылью. Пахло свободой и страхом.

— Ромка, ты совсем дурак?!

Его резко дёрнули за плечо. Он очнулся. Петька тащил его назад, в укрытие. Его глаза за стёклами противогаза были круглыми от ужаса.

— Закрываем и уходим!

Рома позволил оттащить себя. Они вдвоём навалились на штурвал. Механизм, не двигавшийся двадцать лет, с пронзительным скрежетом поддался. Стальной диск начал медленно поворачиваться, с тяжким стоном входя в пазы.

Щель стала уменьшаться.

Последнее, что увидел Рома, — та тёмная фигура у грузовика, казалось, пошевелилась.

Затвор закрылся с глухим, окончательным бумом. Эхо отозвалось по всему коридору.

Наступила тишина, которую нарушил Денис. Он подошёл вплотную к Роме. Даже сквозь маску было видно, как у него дёргается скула.

— Ну, мать твою — выдохнул он. В его тихом голосе кипела ярость. — Ты меня слышишь? Ты меня вообще слышишь, школьник?! Ты мог нас всех убить! Ты знаешь, что там может быть?

Он резко развернулся к Петьке.

— Петя, проверь его костюм, швы, все соединения. Быстро!

Петька, дрожа, начал ощупывать Ромину спину, руки.

— Вроде вроде цело.

— Извините, — хрипло выдавил из себя Рома.

Он чувствовал себя идиотом. Но одновременно с этим — «просветлённым».

— Одну проблему решили, — Денис всё ещё говорил сквозь зубы, с трудом сдерживаясь. — Теперь со следами. Они уходят вглубь. Вы — сзади. Я — впереди. Ни шага в сторону. Поняли?

Они двинулись по коридору, следуя за отпечатками в пыли. Следы вели прямо, потом свернули в боковое ответвление — к техническому лифту и небольшой диспетчерской.

Тишину разорвало шипение рации.

— Приём Приём, Денис Отчёт! — голос Фёдоровича был напряжённым.

Денис нажал кнопку. Его взгляд при этом был прикован к тёмному проёму двери впереди.

— Всё в норме. Проблема с гермозатвором решена. Осталось ребятам посмотреть лифт, и мы внизу.

Он отпустил кнопку, посмотрел на Рому.

— Не хочу старика волновать. Но ты ему всё расскажешь сам. Всё. Понял?

Рома кивнул.

Денис первым вошёл в помещение диспетчерской. Он замер. Рома и Петька, заглянув ему через плечо, тоже остолбенели.

На полу, в луче фонаря Дениса, лежало тело.

Человек.

Он лежал на боку, в неестественной позе, словно упал и больше не смог подняться. Одет он был в нечто среднее между военной формой и самодельной экипировкой: поношенная камуфляжная куртка, разорванная в нескольких местах, самодельный бронежилет из толстой ткани и металлических пластин, увешанный подсумками.

Рядом валялась каска с прикреплённым к ней прибором, похожим на окуляр ночного видения.

Одна нога была вывернута под углом. Левая рука прижата к боку, откуда виднелось тёмное влажное пятно крови.

В его правой руке, зажатой в мёртвой хватке, был автомат. Не АКСУ, но похожий, более длинный. Оружие человека, который много и часто воевал.

Но самое шокирующее было не это — у него не было противогаза.

Лицо, заросшее грязной, седой щетиной, было открыто. Глаза закрыты. Грубо вылепленные черты, шрам через бровь. Он дышал. Слабые, хриплые вздохи поднимали его грудь.

— Он без костюма! — прошептал Петька. В его голосе был ужас и непонимание. — Как?

— И химзащиты нет, — с удивлением добавил Денис, светя фонарём вокруг. — Ни костюма, ни перчаток, ни капюшона. Он пришёл сюда как есть.

Рома медленно, будто в трансе, сделал шаг вперёд. Денис хотел было его остановить, но Рома лишь поднял руку: «Подожди».

Он присел на корточки рядом с раненым.

В этот момент человек открыл глаза. Они были мутными, полными боли, но в них не было страха. Было изумление, сознание боролось с шоком. Губы дрогнули.

— Вы кто? — выдохнул он.

Голос был хриплым, разбитым. Но в нём звучала не слабость, а привычка командовать.

Рома отпрянул от потрясения. Тысяча вопросов хлынула в голову. Откуда? Как? Кто он? Что там, наверху?

— Мы мы из Блока, — с трудом выдавил Рома.

И тут же добавил, оглянувшись на Дениса и Петьку.

— Мы не можем его тут оставить.

Денис стоял, как изваяние. В его голове шла борьба: долг, инструкции, безопасность Блока против человечности и жгучего любопытства.

Он смотрел на Рому, на его решительный взгляд, и понимал: без раненого этот парень не уйдёт. Да и сам Денис он тоже хотел знать.

— Петька, — резко сказал Денис, принимая решение. — Иди к лифту. Фёдорович говорил: сгорела плата управления. Сможешь починить?

Рома тут же поддержал.

— В моей сумке, в боковом кармане, запасные блоки. Бери.

Петька, бледный, кивнул. Остаться одному в этом тёмном коридоре было страшнее всего, но спорить он не стал.

— Понял, — бросил он и, подобрав сумку, почти побежал в сторону лифтовой.

Рома снова наклонился над раненым. Тот закашлялся, изо рта выплеснулась алая пена. Он с трудом повернул голову.

— Парень — прохрипел он. — В нижнем подсумке шприц с промедолом

Рома дрожащими руками начал рыться в разгрузке. Пальцы нащупали холодный металлический цилиндр. Он вытащил его — автоинжектор, маркировка стёрта.

Вспомнились книжки про войну, про медицину выживания. Без лишних слов он снял защитный колпачок, приставил к передней поверхности бедра раненого, сквозь ткань, и нажал.

Раздался тихий шипящий звук. Человек напрягся, потом выдохнул. Некоторое напряжение ушло с его лица.

— Молодец — прошептал он.

Потом собрался с силами. Взгляд стал чуть яснее.

— Я Гром. Нужно уходить. Эти твари они близко. Мои Вепрь, Рысь — Он закашлялся с новой силой.

— Мы закрыли вход, — быстро сказал Рома.

В голове застучало. Твари. Какие твари?

— Кто вас так? Откуда вы?

Но Гром лишь мотал головой, экономя силы.

Из темноты лифтовой донёсся приглушённый крик Петьки:

— ГОТОВО!

— Вопросы потом, — жёстко сказал Денис, подходя с другой стороны. — Поднимаем. Аккуратно.

Гром оказался невероятно тяжёлым. Даже истощённый и раненый, он все ещё был плотным, мускулистым, а экипировка весила так, будто он был облит свинцом.

Они едва подняли его, обхватив за плечи. Каждый шаг давался с трудом, но они всё же ковыляли к свету, что лился из открытых дверей лифтовой кабины.

Петька уже ждал там, переминаясь с ноги на ногу. Его лицо исказилось от страха и нетерпения. Втроём они втащили потерявшего сознание Грома в металлическую коробку лифта.

Денис нажал кнопку спуска. Моторы где-то вверху звякнули. Лифт дёрнулся и с противным скрежетом начал движение вниз.

Только тогда Денис потянулся за рацией. Его голос звучал ровно, но в нем угадывалась тревога.

— Фёдорович, мы спускаемся. И мы не одни.

Глава 3. ПРИГОВОР И ПОБЕГ

Спуск в аварийном лифте длился вечность.

Медленный, скрежещущий звук тросов резал тишину. В тесной металлической коробке, освещённой лишь одной мигающей лампочкой, стоял тяжёлый запах крови, пота и страха.

Рома с Петькой удерживали бесчувственное тело Грома, чтобы оно не сползало на пол. Денис стоял спиной к ним, прижавшись к двери. Его взгляд, видимый сквозь запотевшее стекло противогаза, безостановочно сканировал стены кабины, будто чего-то ожидая.

Он снова поднёс рацию ближе и без лишних слов коротко и чётко сказал.

— Фёдорович, нужен врач и носилки.

Рация загорелась зелёным. С другого конца послышался голос:

— Понял тебя.

Голос был не сердитым, а скорее напряжённым. Ребята понимали: Фёдорович не такой мужик, чтобы начинать допрашивать и задавать вопросы по рации. Но вот когда они спустятся, их ждёт как минимум небольшой диалог.

— Он тяжёлый, как чугунная баба, — сквозь зубы выдохнул Петька, с трудом удерживая подмышку незнакомца.

— Молчи, — отрезал Денис, не оборачиваясь. — Лучше готовься, сейчас будут вопросы.

Лифт с глухим ударом остановился. Дверь со скрежетом отъехала, открывая ярко освещённый белый коридор нижнего технического уровня.

Их уже ждали.

Фёдорович — суровый и собранный. Двое дежурных санитаров с носилками. За их спинами маячила испуганная, но любопытная фигура доктора Ирины — единственного в Блоке человека с медицинским образованием, полученным ещё «до».

— Быстро, на носилки! В лазарет! — скомандовал Фёдорович. Тон у него был твёрдый, не допускающий возражений.

Санитары ловко переложили Грома на брезентовые носилки. Рома разжал окоченевшие пальцы и с удивлением увидел, что они дрожат. Адреналин отступал, оставляя после себя пустоту и лёгкую тошноту.

Пока носилки с окровавленной ношей скрывались за поворотом, Фёдорович повернулся к троим.

— Костюмы в дезкамеру. Сами на санобработку. Через час ко мне в кабинет. Обо всём, что видели, пока никому. Понял, Петя?

— Так точно, — буркнул Петька. На этот раз без тени шутки.

Процедура санобработки была унизительной и леденящей. Резкие струи холодной воды под давлением, жёсткие щётки, химия.

Их комбинезоны, пропахшие пылью верхнего яруса, унесли на анализ и дезактивацию. Одевшись в чистое стандартное бельё и простой комбинезон, Рома почувствовал себя странно голым и уязвимым.

Оставшееся время они провели в пустой столовой, молча ковыряя остывшую овсянку. Петька впервые за многие годы не мог найти слов. Он только крутил в пальцах ложку и смотрел в стол.

Денис сидел, откинувшись на спинку стула. Его лицо казалось каменной маской, но глаза бегали, анализируя каждую деталь произошедшего.

— Кто он, по-твоему? — не выдержал наконец Петька.

— Солдат, — коротко бросил Денис. — Или бандит, видавший виды. Оружие у него не игрушечное.

— Но без защиты — начал Рома.

— Это самое странное, — Денис перебил его. — И самое опасное. Значит, он либо сумасшедший, либо

Рома вспомнил хриплый голос Грома: «Эти твари они близко». Но так и не решился поднять эту тему.

Ровно через час они стояли перед знакомой дверью. В кабинете, кроме Фёдоровича, уже сидела доктор Ирина. Она была бледна. В руках у неё дрожали листки с распечатками каких-то анализов — взятых, должно быть, у Грома.

— Садитесь, — Фёдорович указал на стулья. — Начнём. Доктор, ваше заключение.

Ирина кашлянула, поправила очки.

— Пациент незнакомец. Мужчина, примерно пятьдесят-пятьдесят пять лет, мускулистого телосложения. Состояние крайней степени тяжести. Открытый проникающий раневой канал в области правого бока и спины, сломаны три ребра. Закрытый перелом ноги. Множественные контузии, гематомы, признаки сильного физического истощения, обезвоживания и шока.

Она перевела дух.

— Без срочного оперативного вмешательства и целого ряда препаратов, которых у нас попросту нет, шансы выжить близки к нулю.

Она сделала паузу, глотнув воды. В кабинете было слышно, как тикают часы на стене.

— Но это не главное, — продолжила она, голос её стал ещё тише. — Я взяла экспресс-анализы крови. Уровень лейкоцитов зашкаливает, как при сильнейшей инфекции. Но самое шокирующее

Она посмотрела на Фёдоровича, будто ища поддержки. Тот просто кивнул.

— Внутренний радиационный фон. Он выше допустимой для человека нормы. При этом внешних признаков лучевой болезни в острой форме нет. Его организм он с этим живёт.

Она замолчала, потом добавила ещё тише.

— И его рана. Такое ощущение, что его кто-то пытался разодрать. Рваные следы.

— Он говорил про тварей, — тихо вставил Рома.

Все взгляды устремились на него.

— Перед тем как отключиться. Сказал: «Эти твари близко».

Фёдорович закрыл глаза на секунду, будто молясь о терпении.

— Он не один, — добавил Денис. — Где-то там сверху ещё есть его группа. Или была. И есть те, кто их так изувечил.

— Вопрос в другом, — жёстко сказал Фёдорович, открыв глаза. — Что нам с ним делать?

Воцарилось тягостное молчание.

— Лечить, — первым выпалил Петька. — Мы же не животные! Раненого человека нашли — так спасать надо!

— Лечить? — Денис повернулся к нему. В его голосе впервые прозвучала не скрытая, а явная раздражённость. — Чем? Наши запасы антибиотиков рассчитаны на своих, на плановые нужды. А ему нужна сложнейшая операция, тонны крови, которых у нас нет, и дефицитные препараты. И даже если он выживет — что дальше?

— Он может нам рассказать — начал Рома.

— Рассказать что? — перебил Фёдорович. — О том, что там, наверху, кишмя кишат твари, что разорвали его? Об этом мы уже узнали. Он — ходячая угроза. Его кровь, его дыхание — источник заразы, о которой мы ничего не знаем. Его тело фонит, как только что нам сообщила Ирина.

— Мы можем его изолировать, — неуверенно предложила доктор. — До выяснения

— А если он умрёт? — Денис говорил сейчас не как подчинённый, а как равный, выкладывая на стол неприкрытую правду. — Что, хоронить будем здесь? Или выносить обратно? А если те, кто сделал с ним это, уже нашли след к нашему гермозатвору? Они или кто-нибудь

другой могут прийти сюда. Не один такой израненный, а целый отряд. С оружием, с которым наш неприкосновенный запас даже не сравнится.

Рома слушал этот обмен холодными, безжалостными доводами. Внутри у него всё сжималось в ледяной комок. Они говорили о человеке, как об инфицированном образце, как об угрозе.

— Есть ещё один вариант, — тихо, почти шёпотом сказала доктор Ирина.

Она не смотрела ни на кого. Её пальцы бессознательно комкали край халата.

— Мы можем облегчить его страдания. Ввести комбинацию препаратов, от которой он не проснётся. Это будет гуманно и безопасно для Блока. Мы не убийцы. Мы просто Не можем рисковать всеми ради одного неизвестного.

Слова повисли в воздухе — тяжёлые и ядовитые.

Рома увидел, как Петька побледнел ещё больше. Даже Денис слегка отвёл взгляд. Фёдорович сидел неподвижно, его лицо было нечитаемым. Капитан тонущего корабля, решающий судьбу.

— Это крайняя мера, — наконец произнёс он. — Но её нельзя сбрасывать со счетов. Мы должны обсудить это на Совете. Тайно.

Он перевёл взгляд на Ирину.

— Ирина, подготовьте всё необходимое на всякий случай. Держите его в состоянии медикаментозного сна. Никаких посетителей.

Потом на Дениса.

— Денис, поставь пост у лазарета. Никто не входит и не выходит без моего личного разрешения.

И на Рому с Петькой:

— Вы двое — абсолютная тишина. Никому! Ясно?

Все кивнули. Приказ был отдан. Маховик бездушной логики выживания начал раскручиваться.

***

Рома не мог уснуть. Он сидел на койке, обхватив колени, и смотрел в темноту. Перед глазами снова и снова вставал тот миг, когда он выглянул за гермозатвор.

Мир наверху был уродлив и страшен. Давил пустотой, и в то же время манил, как пропасть, в которую тянет с края. Рома тогда чувствовал не только ужас. Под слоем двадцатилетней бункерной осторожности что-то щёлкнуло и распрямилось. Он поймал себя на мысли, что не боится. Не так, как учили в Блоке.

Он сотни раз представлял этот миг. Как открывается дверь. Как в лицо бьёт ветер — не поток из вентиляции, а живой воздух, пахнущий тем, чему нет названия. Он всегда, всегда хотел узнать — каково это. Когда над головой не бетон, а небо. Когда идёшь не по коридору, а куда глаза глядят.

В детстве он засыпал с этими мыслями. В отрочестве рисовал в голове маршруты по картам, которых не существовало. Взрослым уже не верил, что шанс выпадет. Но надежда — глупая, запретная — жила под рёбрами и тихо стучала: «А вдруг?»

И вот он увидел своими глазами. Мир существовал.

А потом случился Гром. Раненый, без противогаза, но живой. Человек с поверхности, который дышал этим воздухом и не умирал.

Слова «он не проснётся» звенели у него в ушах, как навязчивый мотив. Он видел перед собой лицо Грома — измождённое, заросшее, но живое. Видел его пальцы, судорожно сжимающие автомат.

«Молодец, пацан», —всплыл в памяти хриплый голос, в котором чувствовалась благодарность. Для Ромы он стал живым доказательством, которого не хватало учебникам. Мир наверху — не выдумка. Там можно жить, там есть люди.

Значит, и у него есть шанс. Не просто выглянуть, а выйти по-настоящему.

Сопровождаемый этими беспокойными мыслями, он встал и бесшумно вышел в коридор. Блок спал. Только дежурные огни и тихое гудение систем. Он не отдавал себе отчёта, куда идёт, но ноги сами понесли его к лазарету. «Будь что будет», думал он, не в состоянии контролировать свои мысли и переживания. «Если я взгляну на него хоть мельком, если мне удастся с ним поговорить, может быть, я смогу принять окончательное решение или наоборот — передумать».

Пост охраны у двери стоял, как и было приказано. Но Дениса среди них не было. Около двери стояли двое молодых парней. Они клевали носом, разбуженные среди ночи для неожиданного наряда.

Увидев Рому, один из них лениво поднял бровь.

— Куда, Роман? Проход закрыт. Приказ Фёдоровича.

— Я мне нужно к доктору Ирине, — соврал Рома, пытаясь сделать лицо озабоченным. — У меня голова раскалывается, живот крутит. Может, отравление.

Парни переглянулись. Они знали Рому как одного из лучших механиков — тихого и не доставляющего хлопот. Приказ был «никого не пускать», но к доктору

— Ладно, — пробурчал один, откидываясь на стул. — Только быстро. И не шуми там.

Рома кивнул и проскользнул внутрь.

Лазарет состоял из приёмной и трёх палат. Две из них были пусты. В третьей, за стеклянной перегородкой, под тусклым светом ночной лампы, лежал Гром.

К нему были подключены капельницы. Датчики на груди мерцали зелёными огоньками. Доктора Ирины нигде не было видно — вероятно, она отдыхала в приёмной после тяжёлого дня.

Рома подошёл к стеклу. Гром дышал ровно, но тяжело. Его лицо под кислородной маской казалось восковым.

Рома положил ладонь на холодное стекло. В свете случившегося, увидев военную форму, он подумал об отце. Что, если бы он, Александр, так же выжил там, наверху? Израненный, истекающий кровью, нашёл бы приют у кого-то? И его судьбу тоже «обсудили» бы и приняли «гуманное» решение?

«Нет», — прошептало что-то внутри. «Нельзя».

В этот момент Гром пошевелился. Его веки дрогнули, затем медленно, с неимоверным усилием приоткрылись.

Мутный взгляд блуждал по потолку, потом нашёл Рому за стеклом. Сознание боролось с наркозом. Губы под маской шевельнулись. Рома не расслышал, но прочитал по ним: «Парень»

Он оглянулся. Дверь в приёмную была закрыта. Он тихо открыл дверь в палату и подошёл к койке.

— Ты — прохрипел Гром. Голос был едва слышным, сипящим. — Здесь лазарет?

Рома молча кивнул.

— Слушай — каждое слово давалось Грому ценой невероятных усилий. — Меня тут не оставляй. Понял? Нельзя.

— Тебя будут лечить, — снова соврал Рома, чувствуя, как горит лицо от стыда.

Гром слабо, но очень выразительно мотнул головой. В его глазах, помутнённых болью и препаратами, вспыхнула искра прежней, железной воли.

— Враки Видел я таких «лекарей»

Он перевёл дух, собрав силы.

— Не оставляй тут. Вытащи Наружу. Обещай.

Он снова погрузился в забытьё. Рука бессильно упала на одеяло. Но последний взгляд — полный отчаянной мольбы впился в Рому, как крюк.

Рома стоял, парализованный. Он слышал скрип стула в приёмной. Нужно было уходить. Но ноги не слушались.

Он смотрел на этого незнакомца, на эту «ходячую угрозу», и видел в нём не опасность, а такую же потерю, как он сам. Человека, которого предали обстоятельства и который просил о последнем шансе.

Он вышел из палаты, машинально кивнул охране и почти побежал по коридорам.

У него был план. Безумный, самоубийственный, но план.

Петька спал, когда Рома встряхнул его за плечо. Тот сел на кровати, протирая глаза.

— Чего, Ромыч? Который час?

— Тише, — прошипел Рома. — Слушай. Они его убьют. Уже приняли решение.

Петька замер. Сон как рукой сняло.

— Что?.. Не может быть Они же

— Может. И сделают. У них нет выбора, так они считают.

— И что мы можем? — в голосе Петьки слышалось смятение.

— Мы можем вытащить его наверх через тот же лифт. Он попросил меня, сказал: «Не оставляй».

Петька смотрел на него так, будто Ромка предложил ему спрыгнуть в реактор.

— Ты спятил?! Нас поймают! Денис там, и охрана! Да и как мы его, полумёртвого, потащим?

— Лифт ты починил, управление восстановлено, — быстро начал говорить Рома, сам удивляясь ходу своих мыслей. — Охрану у лазарета можно отвлечь. Денис Денис, может, и догадается, но не остановит. Он солдат, он привык выполнять приказы, но в душе он ведь тоже не согласен. Я видел его глаза, там, в кабинете.

— А если он всё-таки остановит? Или поднимет тревогу?

— Тогда значит, так тому и быть. Но я не могу просто ждать, пока ему введут эту инъекцию. Не могу, Петь!

Он говорил со страстью, которой в нём никогда не было. Петька видел это. Видел, как горят глаза его лучшего друга, и вспоминал свои слова: «Мы же не животные».

— Чёрт — выдохнул Петька, проводя рукой по лицу. — Чёрт побери, Ромка Ладно. Говори, что делать.

План был простым и дерзким.

Петька, как мастер по созданию хаоса, должен был устроить небольшую «аварию» в системе вентиляции на другом конце жилого сектора, рядом с постом охраны. Что-то громкое, дымное, но безопасное. Пока все, включая дежурных у лазарета, будут отвлечены, Рома проникнет внутрь.

***

Через двадцать минут ожидания всё сработало точно по плану.

Из вентиляционной решётки рядом с постом охраны повалил густой и едкий, но безвредный дым (смесь табачной пыли Степановича и масла). Раздался тревожный гудок. Один из охранников рванул на проверку. Второй занервничал, отойдя от двери, чтобы лучше видеть коридор.

Рома, прижавшись к тени с другой стороны, проскользнул в лазарет. Приёмная была пуста — доктора не было, что облегчало задачу.

Он ворвался в палату к Грому. Тот был в полубессознательном состоянии, но, кажется, ждал. Рома быстрыми, резкими движениями стал отключать датчики, снимать капельницы. Он приподнял мужчину, начал натягивать на него одежду, которая лежала рядом, взвалил его на свое плечо — как когда-то читал в книжках по гражданской обороне.

Гром застонал, но не сопротивлялся. Он показался страшно лёгким, как будто внутри него была лишь воля, державшая его вместе. Это ощущение испарилось всего через пару

секунд — на самом деле тяжесть была невероятной. Несмотря на это, Рома почти выбежал из лазарета.

Охранник, оставшийся на посту, увидел его и открыл было рот. Но Рома лишь крикнул ему.

— Доктор сказала — срочно в операционную, другой корпус! Держи дверь!

И пока тот стоял в ступоре, пытаясь осмыслить приказ не от начальства, а от обычного механика, Рома уже скрылся за поворотом.

Вот и дверь к техническому коридору. Хорошо, что лазарет был первой комнатой после выхода, а то пришлось бы выкручиваться.

Путь к лифту показался кошмаром. Каждый шаг отдавался гулким эхом. Каждый скрип двери казался сигналом тревоги. Но Блок был дезориентирован ложной аварией, и их не остановили.

Лифт ждал. Дверь была открыта.

Внутри, прислонившись к стене, стоял Денис. Он уже понял, что эта тревога — их рук дело.

Рома замер. Сердце ушло в пятки. Петька, подбежавший следом, ахнул.

Денис смотрел на них. Его лицо в тусклом свете лампы было невозмутимым.

Он молча снял с плеча оружие Грома и протянул его Роме.

— Бери. У него, — он кивнул на Грома, — патронов не осталось. Я отсыпал пару сотен в подсумки. И штурмовую аптечку.

Он бросил на пол кабины зелёную пластмассовую коробку, где уже лежала разгрузка и некоторые вещи Грома.

— Денис я — начал Рома.

— Молчи, — отрезал тот. — Я ничего не видел. Я просто проверял коридор после тревоги. Вы сделали свой выбор. Я сделаю свой.

Он помолчал, потом добавил жёстко.

— Но если вернёшься с ним или с кем-то ещё двери для вас будут закрыты. Фёдорович будет вынужден поступить по правилам. Понял?

Рома кивнул, чувствуя ком благодарности в горле.

— Теперь слушай, — Денис шагнул вперёд и схватил Рому за плечо. — Ты поможешь ему выбраться. Поможешь — и всё. Потом сразу назад. Не играй в героя. Там, наверху, не место для таких, как мы. Это его мир. Твой — здесь.

— Я обещал, — хрипло сказал Рома.

Денис просто промолчал. Отступил назад и нажал кнопку на панели.

— Удачи. И прости старика. Он тоже просто старается всех сохранить.

Дверь лифта начала закрываться. Последнее, что увидел Рома, суровый профиль Дениса, растворяющийся в свете коридора.

Лифт рванул вверх.

В его скрежете и гуле слышался звук окончательного, бесповоротного выбора. Рома облокотился о стену, чувствуя, как тяжёлое, горячее дыхание Грома обжигает ему шею.

Он смотрел на автомат на своём плече. Чужой, холодный, смертоносный.

Рома только что предал свой дом, чтобы спасти чужого. И теперь вёз его туда, откуда тот бежал. В незнакомый мир — мир радиации и пустоты. Мир, о котором он мечтал всю жизнь.

Лифт остановился. Дверь открылась.

Перед ними была тёмная, пыльная комната верхнего яруса, за дверью которой — коридор, ведущий к гермозатвору, который они так спешно закрыли всего несколько часов назад. Откуда веяло холодом и тем самым незнакомым запахом свободы.

Путь наверх был открыт. Обратной дороги больше не было.

Глава 4. ЗА ГЕРМОЗАТВОРОМ

Петька помог донести бессознательного Грома до гермозатвора. Всю дорогу он молчал — пытался подобрать слова и не находил.

В горле стоял ком: от страха и странного, щемящего ощущения.

Это же не просто друг. За двадцать лет Рома стал ему братом. С того самого дня, когда его мама, Ольга, увидела маленького Ромку, одиноко стоящего в толпе испуганных людей.

Ольга пыталась найти его родителей среди тех, кто успел попасть в бункер, но так и не нашла. И, не раздумывая, взяла мальчика к себе. Растила, не обделяя любовью, как родного. Пока сама не ушла из-за болезни — когда Петьке было девятнадцать, а Роме семнадцать.

Хоть Петька и был старше, Рома всегда казался ему взрослее. Более вдумчивым и сдержанным.

А теперь он уходит в неизвестность с чужим человеком. В чужой мир.

Из раздумий Петьку выдернул голос Ромы.

— Ну что, Петь, готов?

Петя неуверенно кашлянул.

— А может, я всё-таки с тобой…

Он не успел договорить. Рома всё понял по его глазам и по тому, как тот сжимал кулаки. Он шагнул к другу и обнял его.

— Я вернусь, брат, слышишь? Обязательно вернусь.

В горле у Ромы встал горячий, тугой ком. Петя стиснул зубы так, что заболела челюсть. Но подбородок всё равно предательски задрожал. Он часто-часто заморгал, размазывая влагу по глазам.

— Давай, времени мало. Слушай и запоминай. Помнишь частоту, на которой мы общались, когда чинили воздухоочиститель?

Петя просто кивнул.

— Буду выходить на неё. Бери наши рабочие рации у Степановича, включай каждый день утром и вечером, в половине восьмого. Я найду рацию. У Грома, если что, попрошу — в подсумке у него была, я видел.

— Хорошо, Ром. Будь осторожнее, — сказал Петька.

А что ещё можно было услышать от задорного весельчака Петьки, который всегда ни при каких обстоятельствах не забывал шутить и подкалывать? Однако сейчас перед Ромой стоял совершенно другой человек. И Рома это видел.

— Обещаю, — тень улыбки мелькнула на его лице.

Рома взял противогаз, натянул резиновую маску на лицо, проверил герметичность и закрепил фильтр. Мир вокруг тут же приглушился, дыхание стало тяжёлым.

Пришедший в себя Гром закашлял. Рома подошёл, взвалил его руку себе на плечи и поднял.

— Пора, Петька. Открывай.

Гермозатвор с тяжёлым металлическим скрежетом отъехал в сторону.

Они вышли на бетонную площадку, всю в трещинах, из которых лезли упрямые заросли мха. За спиной раздался всё тот же скрежет. Дверь захлопнулась.

Первое, что ударило по чувствам Ромы, был даже не свет, а небо. Оно висело бурой пеленой, скрывавшей солнце.

И запах. Пыли, окисленного металла, сырости и чего-то кислого, растительного. Запах мира, который умер и теперь пытался возродиться заново.

— Куда дальше? — первым подал голос Рома.

— Выйдем с территории. Видишь джип слева? За ним в заборе дыра. Туда.

Тащить Грома стало легче — тот уже и сам помогал здоровой ногой. Рома то и дело вертел головой. Этот мир был новым, незнакомым, пугающе большим. Он вглядывался в окна дальних домов, в покосившиеся трубы заводов, в остовы машин.

— Стой, пацан. Присядем, — с явной болью в голосе произнёс Гром.

Рома аккуратно усадил его спиной к ржавому забору. Гром покопался в разгрузке, вытащил уже знакомый Роме шприц-тюбик и вколол себе в бедро. Спустя пару минут его лицо расслабилось.

— Ну что ж, пацан, глупость ты сделал, конечно. Но спасибо. Без тебя я бы уже остыл.

Он ткнул пальцем в автомат, всё ещё висевший за плечом у Ромы.

— Ты хоть умеешь им пользоваться? — Гром покосился на него вопросительно.

Рома почему-то смутился и виновато ответил:

— Нет.

— Сейчас покажу.

Рома передал оружие. В руках Грома автомат ожил — стал продолжением руки, лёгким, привычным, почти игрушечным.

— Автомат Калашникова семьдесят-четыре модернизированный…

Все эти «навороченные» слова которые говорил Гром пролетали мимо, но Рома ловил суть, запоминая движения его рук.

— А что такое «ласточкин хвост»? — перебил он, видя, что Гром вошёл в азарт.

— О-о-о… — Гром чуть наклонил голову с едва заметной ухмылкой. — Старое, доброе крепление. Надёжное, как мир. Сюда фиксируется, а туда — что душе угодно, но без извращений. Обычно крепят прицелы.

Он протянул автомат обратно.

— Да-а, — протянул Рома, закидывая оружие за спину.

— Слушай, а как тебя зовут парень? Пока не довелось спросить…

Гром залился хриплым кашлем, затем, улыбнувшись, протянул руку:

— Громыхалов Борис Игоревич. Отсюда и позывной. Просто Гром.

— Рома, — коротко представился парень, пожимая мозолистую ладонь.

— Ладно, Ромка, приятно. Но я уже к «пацану» привык, если не против.

— В принципе, нет, — Рома развёл руками, будто торгуясь на базаре.

— А противогазик-то сними. Небось, в окуляры плеваться устал.

Рома не успел ответить. Гром сам себе кивнул.

— Чего это я? Ты ж зелёный. Давно я таких не встречал. Не подумай плохого, у нас тут практически все уже знают, что противогазы формально — дань прошлому. Но есть нюансы. Растолкую всё. Но не здесь, долго находиться на открытом месте нельзя. Тем более тут. Убираться надо, пока светло.

— Снять? — неуверенно переспросил Рома, который и сам об этом думал.

— Да. Не бзди, пацан. Радиации тут нет. Разве я похож на светящийся фонарь? Я тут годами лазаю без этой штуки. Если всё же снимешь, зацепи его за карабин на прикладе — ещё пригодится. А как дойдём до схрона, я тебе всё расскажу.

Гром замер. Он видел, как трудно было парню решиться, и не торопил. Двадцать лет под землёй. И каждый день — страшилки о том, что сверху один глоток равен смерти.

Рома медленно поднял руку. Непослушные пальцы нащупали холодные застёжки. Он закрыл глаза.

Щелчок. Громкий, как выстрел в тишине. Первая застёжка расстегнулась. Потом вторая. Из-под маски вырвался наружу тёплый, спёртый воздух — тот самый, бедный кислородом, пропахший потом, пылью и пластиком. Он дёрнул головой назад, сдирая маску. Резина с неприятным чмоком отлипла от щёк и висков.

Рома открыл глаза. И вдохнул. Воздух ударил в лицо. Он был холодным. Не искусственным холодом вентиляции, а живым, колючим, влажным. И он был полон… запахов. Поначалу он просто ощутил их — слоями, текстурой. Сырая земля, камень, пропитанный временем — это было знакомо. Но потом…

Запахло металлом. Не ржавчиной, а чистым, острым, почти вкусным — будто кто-то неподалёку точил нож. Пахло мхом — не зеленью, а глухим, древесным, влажным запахом старого леса, которого он никогда не видел. Пахло чем-то горьковатым, как коренья, и чем-то неуловимо сладким, увядшим.

Он втягивал воздух носом — жадно, судорожно. Каждый вдох был открытием. Воздух здесь не был стерильным — он был густым, насыщенным. Он ласкал кожу, обтекал её, проникал в поры. У Ромы закружилась голова от обилия знакомых и незнакомых запахов.

Он почувствовал движение на ресницах, на ещё влажных от пота висках. Он вдохнул ртом и язык ощутил вкус. Тот самый металлический привкус, холодок, чистоту. Никакой сладковатой пыли рециркуляции. Никакого затхлого привкуса пластика.

— Ну что, нравится? — терпеливо спросил Гром. — Привыкай. Только не увлекайся, успеешь ещё надышаться.

Рома наслаждался. На миг в памяти всплыло что-то ускользающее — обрывок детства, за который он не мог зацепиться, однако голос Грома вернул его к реальности.

— Давай, двигаем.

Гром протянул руку, чтобы его подняли. Рома, уже привычнее, взял его под мышку. Автомат, висевший на плече, теперь казался иным, не просто железкой, а инструментом, чью душу ему приоткрыли.

Пройдя через дыру в заборе, они углубились в кладбище. Не обычное кладбище. Кладбище старого мира. Домов, машин, эпохи — всего того, что осталось от прошлого, проступающего сквозь два десятилетия запустения.

Гром всю дорогу ворчал, давая указания, где свернуть, где пролезть, где пригнуться. Рома почти не слушал. Его поражали не масштабы разрушения — другого он попросту не помнил, — а детали.

Блеск солнечного луча на осколке стекла, вмурованном в бок ржавой машины. Причудливый узор ржавчины на гигантском билборде, ещё хранящем следы улыбающегося лица с рекламы. Стая бесшумных птиц с неестественно длинными хвостами, кружившая над крышей многоэтажек.

Где-то в глубине улицы раздался протяжный, скрипучий вой, больше похожий на трение металла о стекло, чем на голос живого существа. Рома повернул голову назад. Гром, не оборачиваясь, просто махнул рукой — мол, не обращай внимания.

Позже, протискиваясь через гору обломков, Рома заметил на запылённом асфальте странный след. Три глубокие параллельные борозды, будто их оставили огромные когти. А между ними бурые пятна, похожие на высохшую кровь.

Это был не мёртвый мир. Он был иным. Жизнь, упрямая и извращённая, пробивалась здесь повсюду, окрашивая смерть в новые, непривычные цвета.

«Значит, вот так оно и выглядит снаружи… — промелькнула мысль. — Не просто серая пустошь из рассказов. Оно… живое».

Гром в очередной раз дёрнул его за рукав, вырвав из оцепенения. Они крались, прижимаясь к теням уцелевших стен, обходя зияющие провалы, откуда доносились странное капание и шелест.

Вскоре они дошли до места. Цель была в дальнем дворе, где когда-то, наверное, была детская площадка. Теперь это была впадина, заполненная обломками и упругим мхом цвета ржавчины.

Гром, показывая под окнами одного из домов на бетонную обвалившуюся балку, выдохнул:

— Видишь? Нам туда. Почти на месте.

Рома ничего особенного не разглядел.

— Обопри меня о стену. И убирай маскировку, я скажу, как.

Рома без лишних слов убрал металлический лист, заросший жёлтым мхом, аккуратно разобрал кучу камней под ним. Обнажилась ручка и неприметная дверца, ведущая вниз.

— Сначала спусти меня, — скомандовал Гром. — Потом втащи поверх лист обратно и закройся.

Спустившись на несколько ступеней в абсолютную темноту, они остановились. Гром достал из разгрузки старую бензиновую зажигалку. Большим пальцем откинул колпачок — раздался звонкий «чвяк». Резко чиркнул колесиком. Сухой треск, сноп искр, и с тихим хлопком родилось неровное пламя.

— Видишь леску? Аккуратно отодвинь тот кирпич в сторону. Без рывков.

Рома послушно опустился на колено, взял кирпич и, не поднимая, сдвинул его вдоль стены. Леска провисла.

— Путь открыт, — констатировал Гром. В его голосе снова проступила боль. Действие промедола заканчивалось.

— Видишь койку? Давай меня туда. И зажги на столе керосинку, — он протянул Роме горящую зажигалку.

Оставив Грома у кровати, Рома подошёл к грубому деревянному столу. Взял в руки лампу. Огонь быстро перекинулся с фитиля зажигалки на фитиль лампы.

Сначала это была лишь жёлтая точка в черноте. Но пламя разгоралось, и мир вокруг начинал проступать из небытия. Край стола, консервная банка, измождённое лицо Грома.

Свет был не безжалостным электрическим лучом. Здесь он был тёплым, мягким, милосердным. Он не выявлял убожество убежища, а скрашивал его.

И запах… Резкий, едкий запах керосина показался Роме запахом безопасности.

— Ловко, — с искренним удивлением хрипнул Гром. — Думал, с первого раза не справишься.

— Степан Степаныч, наш сен… учитель… У нас на складе были такие, он и показал. Мы с Петькой у него в подмастерьях были.

— Степан Степаныч… — Гром нахмурился. — Я в такие совпадения не верю. Но не Агафонов ли часом? С такими вот бровями? — он развел пальцы веером у своих висков.

— Да! Агафонов! — лицо Ромы озарила улыбка.

— Вот чёрт, живой ещё… Хороший мужик. Мастер от бога. Тебе повезло с учителем.

— Откуда ты его знаешь? — с удивлением спросил Рома.

— Он раньше в ИПРТ преподавал, — с трудом стягивая разгрузку и ложась, сказал Гром.

— ИПРТ? — с непониманием в голосе переспросил Рома.

— Институт… каких-то, уже не помню, ремонтных технологий, — пытаясь вспомнить давно забытую расшифровку, ответил Гром.

— А где…

Рома не успел задать новый вопрос.

— Слушай, я вздремну, — перебил Гром. — Ты осмотрись тут. За стеллажами ящики, в них еда, вода. Под столом «жарик» — керосинка для чая. В общем, разберёшься.

Гром закрыл глаза. Его дыхание сразу стало глубже и ровнее.

Рома наконец снял автомат, прислонил его к дужке кровати и осмотрелся.

Комнатка была небольшой, подвальной. Три железные койки с аккуратно свёрнутыми матрасами. Стол, табурет. И стеллажи, занимавшие добрую половину пространства.

На них — арсенал. Ящики с надписями: «гранаты», «патроны», пара висящих автоматов. И то, что он искал — еда. За целый день он успел изголодаться.

Он взял сухой паёк, отлил из канистры воды (предварительно понюхав её — хотя чем ещё она могла пахнуть?) и уселся за стол. Съел всё за пару минут, даже не подогревая. Последней растаяла во рту плитка горького армейского шоколада. Которая показалась ему пиршеством.

Усталость навалилась внезапно — тяжёлой, тёплой волной. Он развернул матрас на соседней койке. Старые пружины жалобно скрипнули под его весом.

Тело ныло. Перед глазами проплывали обрывки прожитого дня: лицо Петьки, оглушительный металлический скрежет гермозатвора, бурое, низкое небо, точь-в-точь как на той страшной картинке из какой-то книжки, взятой когда-то в библиотеке. Только теперь оно было живым, дышащим.

Огромные пустые «человейники» с чёрными глазницами окон, в которых, как ему почудилось на мгновение, мелькнул тусклый отсвет.

Увиденные странные следы и вой, на который Гром лишь махнул рукой.

В голове у Ромы роились десятки вопросов, которые он планировал задать Грому.

Он и не заметил, как глаза сами собой закрылись, а сознание потонуло в глубоком, беспробудном сне.

Первом сне на воле за двадцать лет.

Глава 5. УРОКИ ВЫЖИВАНИЯ

Рома проснулся от звуков, которых раньше не знал.

Не тихое гудение вентиляции, не привычный скрип кровати. С поверхности доносился скрежет — будто огромная металлическая глыба медленно ползла по бетону. Звук был тяжёлым, неприятным, словно скрип зубами во сне.

И запах. Горьковатый, глубокий, тёплый. Он витал в воздухе, смешиваясь с запахом керосиновой лампы. Чем-то напоминал кофе.

Рома вспомнил: в Блоке его выдавали небольшими порциями, но он никогда его не любил. Жидкость была тёмной, кислой и пахла горелой резиной. А этот запах был другим. Он был… живым.

Рома открыл глаза. Свет керосиновой лампы уже горел, отбрасывая на стены прыгающие тени.

На соседней койке, прислонившись к стене, сидел Гром. На коленях у него лежал разобранный пистолет. Не такой, как Рома видел у охраны, а что-то более массивное, с длинным стволом и странной, угловатой формой. «Стечкин». Картинка из книжки ожила.

Пальцы Грома — толстые, покрытые шрамами двигались быстро и уверенно. Протирали детали масляной тряпицей, собирали механизм обратно с лёгким, металлическим пощёлкиванием.

Его лицо было менее бледным, чем вчера, но боль всё ещё читалась в каждом движении. В том, как он щадил правый бок. В лёгкой судороге, пробегавшей по телу при наклоне.

— Проснулся, пацан? — Гром не поднял глаз, вгоняя последнюю деталь на место. — Спишь как убитый. Я уж думал, тебя и артналёт не разбудит.

Рома сел, потирая сонные глаза. Тело ныло непривычной болью от долгого пути и напряжения.

Он огляделся. Убежище при свете дня — вернее, при свете лампы, имитирующей день, — казалось ещё более простым и в то же время обжитым.

На столе стояла жестяная кружка. От неё и шёл тот самый волнующий запах.

— Это что? — хрипло спросил Рома, надеясь, что угадал с напитком.

— А, — Гром наконец поднял на него взгляд. В углу его глаза дрогнула едва заметная усмешка. — Эликсир жизни. Или яда — смотря для кого. Настоящий кофе. Не та бурда, что у вас в консервах хранится.

Он протянул руку, взял со стола ещё одну потрёпанную кружку, налил из жестяного котелка густую, чёрную жидкость. Пар струйкой поднялся в холодный воздух подвала.

— На, пробуй. Только осторожно — горячо.

Рома взял кружку. Тепло приятно обожгло ладони. Он осторожно поднёс её к лицу, вдохнул.

Запах ударил в нос — сложный, с дымными нотами, с какой-то дикой, растительной горечью и сладостью одновременно. Он сделал маленький глоток.

Вкус взорвался на языке. Не та кислятина, которую он помнил. Это было густо, терпко, почти вязко. Сначала — жгучая горечь, за ней — глубокий, почти шоколадный привкус. И послевкусие, согревающее изнутри. Он кашлянул от неожиданности, но сделал ещё глоток. И ещё.

— Нравится? — Гром наблюдал за ним с молчаливым интересом.

— Да… — выдохнул Рома, с удивлением глядя на кружку. — Совсем другое. Не то, что у нас.

— А ты думал! Это зерно, настоящее. Его ещё выращивают кое-где на гидропонике в старых тепличках, сушат, жарят. Без этого с утра вообще не человек. Привычка, чёрт возьми, из того мира. Одна из немногих, которую удалось сохранить.

Он отхлебнул из своей кружки, зажмурился от удовольствия.

— Ладно, с напитком познакомились. Давай завтракать. А в процессе — спрашивай. Вижу по глазам, что вопросов у тебя много.

Гром, к удивлению Ромы, уже самостоятельно, хоть и с нескрываемой болью похрамывая, ковыльнул к стеллажам, достал две банки тушёнки, пачку сухарей, ещё какую-то плотную, сероватую плитку.

Еда была простой, грубой, но после вчерашнего холодного сухпайка казалась пиршеством.

Первые минуты они ели молча. Рома чувствовал, как кофе бодрит, разгоняя остатки сна и оцепенения. Мысли прояснились, и вопросы, копившиеся с момента встречи с Громом, обрели чёткие формы.

Рома отложил ложку.

— Хорошо. С чего бы начать…

Его взгляд стал задумчивым.

— Почему нет радиации? В Блоке все учебники, все расчёты говорили, что дышать на поверхности опасно. А ты был без маски, без защиты и вчера сказал, чтобы я тоже снял.

Гром медленно прожевал кусок мяса, отпил кофе. Его взгляд стал сосредоточенным, похожим на преподавательский.

— Начну с главного, раз уж спросил. Радиация есть. Но не в привычном понимании. Когда мы впервые массово вылезли, лет десять назад, тоже боялись. Выходили в полной экипировке, с дозиметрами. И оказалось, что фон в большинстве мест упал почти до приемлемого. Человек мог дышать. Возникал вопрос — как?

Он сделал паузу, собирая мысли.

— Есть одна версия. Ещё до всего этого дерьма, перед самой войной, случилась эпидемия. Какой-то кровяной вирус. Людей косило как мух. И учёные — те самые гении, что потом мир и угробили, — в панике сделали вакцину. Вкололи всем подряд. И эта дрянь прижилась, мутировала вместе с нами.

Гром отхлебнул кофе.

— Как объяснил один бывший учёный, который с нами ходил, она изменила нас на клеточном уровне. Это сделало нас устойчивее к радиационному фону. Мы не светимся, но дозу, которая раньше убила бы за неделю, теперь носим в себе без риска.

— То есть… — Рома нахмурился, переваривая услышанное, — мы теперь такие? Все?

— Похоже на то, — Гром пожал плечами. — Или почти все. Кто ту вакцину получил. А кто не получил…

Он не договорил, но Рома понял.

— Но! — Гром резко ткнул в воздух пальцем. — Это не означает, что можно бегать по всем помойкам. Есть места, где радиация зашкаливает. Мы такие места «рыжиками» называем или просто «пустотой». Там воздух фонит так, что волосы вылезают. Если в таком месте засядешь надолго, никакая защита не поможет.

— А как их заметить? — Рома подался вперёд.

— Заметить «рыжик» невооружённым глазом задача та ещё, —усмехнулся Гром. — Если не знать точных примет и мест куда смотреть. Изменения в почве, странная растительность, отблески — будто солнце играет. Идеально таскать с собой дозиметр. Метров за пять от такого места он начнёт пищать, как сумасшедший. В таких местах обычно есть проходы, безопасные тропки, но мало кто о них знает.

Он отхлебнул кофе, посмотрел на Рому поверх кружки.

— Я тебе всё наглядно расскажу, а если подвернётся случай, то и покажу…

Гром протянул последнее предложение так, будто сам хотел этого самого случая.

Рома слушал, впитывая. Его мир — чёрно-белый, где «снаружи» означало «смерть» — трещал по швам, превращаясь в сложную и опасную карту.

— А твари? — спросил он. — Какие они? И следы те, в пыли…

— С тварями, пацан, всё сложно.

Гром откинулся на спину. Лицо его стало мрачным.

— Их тут на любой вкус. Есть падальщики — мелкие, юркие, трусливые. Стаями носятся, могут обглодать лежачего, но на людей редко лезут.

— А те, что на вас напали? — перебил Рома. — Те, от которых ты убегал?

— А вот это уже «быстрые», — Гром скривился. — Длинные руки, горб на спине, бегают, суки, почти бесшумно. Стаями охотятся. Самые частые мутанты.

Он помолчал.

— Ещё есть «вурдалаки». Ты зомби в кино видел? Вот примерно такие, только быстрее, злее и больше, эти встречаются редко.

Рома передёрнул плечами.

— Также есть «морды», — Гром махнул рукой. — Похожи на волков, только лица тупые, широкие, шерсть облезлая. Видимо, собаки мутировавшие, хрен их знает. Одиночка или пара для бывалых не страшны. А вот стая… Стая опасна. Они довольно смышлёные и хитрые.

Гром помолчал. Глаза его стали тяжёлыми.

— А самые страшные… Их мало кто видел и выжил после встречи. «Пришлые». Даже не спрашивай, почему именно так назвали — сам не знаю, но название прижилось. Болтают про них всякое.

Рома опустил голову вниз, прижимая к плечам и подался вперёд. Для него сейчас эти истории были интересней любой книги.

— Тёмные, издали похожие на человека, но эта похожесть — самая жуткая их черта, — продолжил Гром, понизив голос. — Бродят по одному, в квартирах, в подъездах домов, в больших заброшенных зданиях. Уж больно любят они тёмные места. Днём ты их не встретишь.

— А если увидишь? — спросил Рома.

— Если увидишь стоящую тень, похожую на человека, лучше сразу стреляй. Не кричи, не убегай — стреляй. Услышишь тяжёлые, шаркающие шаги — замри и молись. Убежать от пришлого, если он тебя заметил, — нереально.

Голос Грома резко переменился, стал обычным, будто бы переключили канал.

— Про следы… — он махнул рукой, — это «морда» была. Одиночка. Следы старые, обветренные.

Он помолчал, давая Роме переварить информацию, и снова потянулся к кружке.

— Но самые опасные твари в этих развалинах, пацан, — Гром посмотрел ему прямо в глаза, — это не всякие мутанты. Это люди. Их тут не меньше.

— Как… — Рома не успел задать вопрос.

— Отморозки, бандиты, грабители. Одиночек ловят, налёты на слабых устраивают. Прирежут при первой возможности. Есть и хорошие — в метро, например, почти на каждой станции целые поселения живут. Свои законы, своя власть. Есть такие же бункеры, как твой, — он показал пальцем в сторону Ромы. — Вершино был большим городом, бункеров наворотили много.

Рома хотел спросить про других людей, про метро, но Гром уже продолжил, голос его стал глуше.

— И есть… — он тяжко вздохнул, — «учёные». С остатками военных.

— Военных? — не удержался Рома. В его голосе прозвучала наивная надежда, которую он сам тут же поймал и заглушил.

— Не обольщайся, парень, — жёстко сказал Гром. — Они не спасители. Они палачи в военной форме. Вылезли из своего бункера относительно недавно. С техникой, с оружием. Все думали, что настал час освобождения. Ан нет — они людей начали отлавливать. Ставят опыты, колют всякую дрянь. Пытаются создать «новый вид» — человека, невосприимчивого к радиации. Чушь собачья.

Он махнул рукой, будто сам отгоняя только что сказанное.

— Из-за их экспериментов, кстати, некоторые мутанты и появились. Видал когда-нибудь почти человека, но с кожей как у ящерицы или с лишней парой рук? Это всё военные. Они далеко, на другом конце города, свою территорию отгородили. Но лезут иногда. В первый год их выхода кровь рекой лилась.

Рома сидел ошеломлённый. Его представление о «там, наверху» рушилось, заменяясь кошмарным, но живым полотном войны всех против всех.

— А вы? — спросил он, когда смог говорить. — Откуда ты?

— Мы — егеря, — Гром расправил плечи. — Коммуна такая. Командир наш, как и большая наша часть — из старых, ещё довоенных вояк. Мы первые массово на поверхность вышли. Не из такого бункера, как твой. Наш был меньше, рассчитан на пару-тройку лет. Вот и пришлось адаптироваться.

Он замолчал, глядя куда-то сквозь стену.

— За годы весь город излазили. Схроны, как этот, понаставили. Нас знают, уважают и боятся. Но есть и те, кто на нас охотится, — знают, что у нас есть что взять. Раньше нас больше было… Сейчас от силы сорок человек на весь город.

— Сталкеры? — Рома вспомнил слово, которое Гром обронил вчера. — Кто они?

— «Сталкеры», — кивнул Гром. — В основном одиночки, но друг друга выручают. С ними у нас отношения хорошие, правильные мужики. Довольно много сталкеров из метро. Я старых почти всех знаю, а вот молодняк — нет. Да и на кой? Они редко протягивают больше недели. Кого мутанты схавают, кто к бандосам или воякам попадёт. Романтики хреновы, вот ведь не сидится им ровно в своих убежищах.

— А метро… — начал Рома.

— Метро… — Гром поморщился. — С метро мы не очень. Ну, я по крайней мере. Есть из егерей, кто тесно с ними сотрудничает. Там своя жизнь, свои правила. Тёмное дело. Я к ним не лезу, разве что к торгашам за кофе.

Гром разразился улыбкой и потянулся к кружке.

— А как ты оказался у нас? — Рома словил момент, пока Гром не ушёл в другую тему.

— Мы с нашей группой — Рысь, Вепрь и ещё пара хороших мужиков, были на задании. На обратном пути в засаду попали. Пока отбивались, стемнело, на выстрелы твари сбежались. В суматохе разделились. Мы втроём к промышленному району вышли, где твой бункер. Мы этот район «мёртвым» зовём — уж слишком много тварей там рыщет, мало кто в здравом уме туда суётся.

Он помолчал.

— Видимо, из-за этого вход в ваш бункер так и остался незамеченным. Скорее всего, живым выбрался только я. Но ребята мои бывалые, так что… Хочется верить в лучшее. А я чудом в ту щель заполз как в последнее убежище.

— Гром… — Рома помялся, но спросил. — Доктор в Блоке говорила, без помощи ты бы не выжил. Такие раны… Ты будто какой-то эликсир выпил. Тебе вон на глазах лучше становится. Как так?

Гром хрипло рассмеялся. Но в смехе слышалась горечь.

— Смешно, не поверишь. Это старая история. Два года назад, по пьяной глупости, в «рыжик» вляпался. «Ноль», так её ребята прозвали. Думал, всё, конец — разорвёт на моле-

кулы. Очнулся через сутки, почти все волосы повылезали, но… целый. И с тех пор заметил — заживаю как собака.

Он потёр бок, где сквозь бинты угадывался уже почти затянувшийся, но страшный шрам.

— Не бессмертный, конечно. Пулю в лоб тоже приму как все. Но раны, которые обычного человека уложили бы за пару часов, у меня срастаются. Кости встают быстрее. Видать, та «пустота» что-то во мне переключила. Как говорят, в рубашке родился. Больше я таких историй не слышал.

Гром поморщился от воспоминания.

— Не всё, конечно, так гладко. Если не дать телу продохнуть после такого можно и скопытиться. Вот и сейчас… Без твоей помощи и без этого схрона я бы, пожалуй, дотянул только до ближайшей канавы.

Он прищурился, глядя на Рому.

— У вас так всегда? Гермозатвор открытым стоит?

— Замыкание было, — честно ответил Рома. — Мы как раз поднялись его чинить. И нашли тебя.

— Странное совпадение, — тихо произнёс Гром. Его взгляд стал отстранённым. — Или не совпадение. Судьба — штука ироничная.

Он встал, опираясь на стол. Лицо скривилось от боли.

— Слушай, пацан. До базы идти два дня хода в нормальном состоянии. В моём… Ну, с твоей помощью дня за три управимся. Если, конечно, не напоремся на кого. Ты пока услышанное переваривай, а я кое-что подготовлю.

Гром заковылял к стеллажам, начал рыться в ящиках. Рома сидел, пытаясь уложить в голове услышанное. Пустоты. Мутанты. Военные. Егеря. Метро.

Это был не мир, а дикий, жестокий котёл, где выживание было не рутиной, а искусством.

Минут через десять Гром вернулся и с глухим стуком вывалил на стол горку снаряжения.

— Время урока, — его голос стал жёстким, командирским. — Слушай внимательно. Твой старый мир закончился, когда ты решил уйти со мной. В моём мире ты — либо дичь, либо тот, кто давит эту дичь.

Рома едва заметно кивнул.

— Начнём с кожи. Твой комбез — мусор. Рвётся, цепляется, не греет. — Гром швырнул ему свёрток плотной ткани. — Штаны и куртка. Из прочного нейлона. Не пуленепробиваемые, но от ветра, воды и порезов спасут. Надевай.

Пока Рома, смущённо отворачиваясь, натягивал грубые, но удивительно удобные штаны, Гром взял тёмный, бесформенный на первый взгляд жилет.

— Это — броня. Твоя основная защита. Стальные плиты. Не жди от него чуда. Он не остановит пулю снайпера или выстрел в упор. Его задача — отразить пулю на излёте, поймать осколок или коготь. И не думай, что он делает тебя танком.

Он помог Роме надеть всю эту конструкцию, затягивая стропы.

— Главный секрет — посадка. Не должен болтаться, но так, чтобы не душил. Должен сидеть так, чтобы про него забыть, пока не понадобится.

Рома повертелся, поднял руки. Тяжесть была значительной, но распределённой.

— Нормально?

— Тяжело, но… можно привыкнуть.

— Вот и славно. К концу дня будешь его ненавидеть.

Он кивнул на бронежилет.

— Под это пояс с подсумками. Почти как моя разгрузка, но проще.

— Понял.

— Теперь про подсумки. Сюда — то, что нужно достать за секунду. Патроны, магазины, гранаты, рация, аптечка. Защёлкивай карабины здесь и здесь. Если будешь копаться как в сумке, уже мёртв. Запомни расположение на ощупь.

Наконец, Гром снял со стула потёртый армейский рюкзак цвета хаки.

— А это — твой тыл. Всё, без чего проживёшь десять минут, но не выживешь два дня. Еда, вода, боезапас. Чем он тяжелее, тем дольше продержишься. Но чем тяжелее, тем ты медленнее и шумнее. Нужен баланс. Усёк?

Рома кивнул.

— Теперь переходим к игрушкам. — В голосе Грома явно слышался азарт.

Он протянул Роме нож в прочных ножнах. Клинок, когда Рома его вытащил, был матовым, не отражал свет.

— Автомат — для шума. Нож — для тишины. Резать, ковырять, чистить, для быта в общем тоже пригодится. Зафиксируй его так, чтобы рука сама падала на рукоять. Так сказать, последний аргумент на жизнь.

Он положил на стол гранату.

— РГД-5. Наступательная граната. Запомни: выдернул чеку, не отпускай скобу, пока не бросил. Кинул, сразу в укрытие. Они любят осколками швыряться.

Рома посмотрел на гранату с опаской.

— Насчёт оружия… — Гром помедлил. — Будешь ходить с моим. Для меня он пока тяжеловат будет. Только смотри, обращайся бережно.

Он отступил на шаг, окинул Рому оценивающим взглядом. Парень стоял, выпрямившись под новым грузом, в чужой, но уже своей одежде.

В его глазах была не детская игра, а сосредоточенная серьёзность человека, примеряющего доспехи реальности.

— Ну как? Давит? — спросил Гром без насмешки, с деловым интересом.

— Давит, — честно ответил Рома. — Но… как будто держит.

— Вот именно, — кивнул Гром. В его взгляде мелькнуло одобрение. — Он и должен держать. И твои внутренности, и твой дух. Пока не придёт время его снять. А это время наступит не скоро.

Сейчас будем укладывать твой «тыл». Каждую банку, каждый патрон положишь сам. Иногда от этого зависит, увидишь ли ты завтра.

Рома сделал несколько шагов. Мир зазвучал по-новому: мягкий скрип одежды, глухой стук пластины о край стола, лёгкое бренчание карабинов. Это была музыка его нового бытия — грубая, тяжёлая, но честная.

— Теперь последнее на сегодня. Выдвигаемся на рассвете. Путь неблизкий и небезопасный. Будешь делать всё, что я скажу, без лишних вопросов. Сказал «стоять» — стой. Сказал «лечь» — ложись. Всё понял?

Рома кивнул. Он посмотрел на Грома, на его усталое, но твёрдое лицо.

— Я готов, — сказал он.

В его голосе впервые прозвучала не юношеская неуверенность, а спокойная, взрослая решимость.

Гром усмехнулся, одобрительно кивнул.

— Вот и славно. Теперь давай, помогай упаковывать остальное. Завтра рано вставать. А ночью… — он прислушался к приглушённому скрежету сверху, — ночью тут бывает шумно. Привыкай.

Рома, следуя указаниям, укладывал в рюкзак патроны, банки с тушёнкой, свёртки с сухарями, флягу. Каждый предмет обретал вес и значение. Это были не просто вещи. Это были глотки жизни, шансы на ещё один день.

Рома затянул последний ремень на рюкзаке. Гром, наблюдавший за ним со стороны, одобрительно кивнул и снова откинулся на койку, давая отдых больной ноге.

И тут Рома вздрогнул. Среди вороха новых мыслей одна вдруг вспыхнула с болезненной ясностью, обожгла изнутри чувством вины.

— Гром… — Рома резко обернулся. — Я совсем забыл. Мне нужно с Петькой связаться! Мы договаривались. Утром и вечером, на определённой частоте.

Гром медленно приподнялся. На лице не отразилось ни удивления, ни насмешки.

— Думаешь, сигнал пройдёт?

— Я… не знаю. — Рома уже рылся взглядом по сторонам. — Но попробовать надо. У тебя ведь рация есть?

— Есть, — Гром потянулся к своей разгрузке, висевшей на спинке стула, и вытащил потёртую армейскую рацию с короткой антенной, кое-где обмотанной синей изолентой. — На, держи. Только… не жди чуда.

Рома взял рацию, чувствуя её непривычную тяжесть в руках. В груди затеплилась надежда.

Рома посмотрел на часы на стене. До условленного срока оставалось ещё минут двадцать. Он кивнул, сжал рацию в руках и сел за стол, уставившись на циферблат невидящим взглядом. Гром больше ничего не сказал, лишь отвернулся к стене, давая парню время побыть одному.

Стрелка ползла мучительно медленно. Рома мысленно перебирал частоты, которые они с Петькой когда-то использовали, репетировал слова. Сердце колотилось где-то в горле.

Ровно в 19:30 он включил рацию, до упора выкрутил ручку громкости и, стараясь, чтобы голос не дрожал, нажал тангенту.

— Петька, приём. Это Рома. Как слышно? Приём.

В ответ — лишь сухое, равнодушное шипение. Оно заполнило собой всё: маленький схрон, голову Ромы, саму тишину вокруг.

Он подождал минуту, потом ещё одну, вглядываясь в динамик, будто надеясь увидеть сквозь него лицо друга.

— Петь, ну ответь… — прошептал он в микрофон, уже не надеясь. — Я здесь. Я живой…

Тишина. Ничего, кроме всё того же шипения — голоса пустоты, которая теперь пролегла между ним и домом.

Рома, сжав зубы, начал медленно крутить колёсико настройки, сдвигая частоту на пару делений вверх, потом вниз. Снова нажимал тангенту, снова вызывал. И снова — лишь шипение, равнодушное и бесконечное.

Спустя полчаса бесплодных попыток он наконец выключил рацию и положил её на стол. Руки безвольно упали на колени. В груди разрасталась холодная, липкая пустота.

— Не пробило? — тихо спросил Гром. Он не спал, просто ждал.

— Нет, — голос Ромы прозвучал хрипло. — Тишина.

— Я же говорил, — без тени осуждения, просто признавая факт, отозвался Гром. — Не кисни, пацан. Если судьба, свидитесь ещё. А пока у тебя задача поважнее будет. Давай, ложись. Завтра рано выступаем.

Рома молча кивнул.

Чувство потери, острое и беспощадное, накрыло его с новой силой. Его дом, Петька, Фёдорович — всё это стало вдруг невероятно далёким, почти нереальным. Тонкая ниточка, на которую он так надеялся, оборвалась, даже не успев натянуться.

Он посмотрел на автомат, прислонённый к койке, на бронежилет, на набитый рюкзак. Медленно поднялся, подошёл к своей койке и, не раздеваясь, лёг поверх матраса.

Снаружи, в мире, который он теперь должен был назвать своим, скрежет потихоньку стих. Его сменил другой звук — отдалённый, протяжный вой, в котором смешались тоска, голод и бесконечная, первобытная злоба.

Ночь на поверхности только начиналась.

Глава 6. НОВЫЙ МИР

Утро на поверхности наступило резко, не было привычного гула систем жизнеобеспечения, загорающихся ламп, запаха овсянки из столовой. Была тишина, нарушаемая лишь тяжёлым, ровным дыханием Грома и редким, глухим скрежетом где-то наверху — будто ветер гонял по крышам куски жести.

Рома открыл глаза первым. Лампа уже догорела, фитиль оставил на стекле чёрный язычок сажи. Он полежал ещё минутку, прислушиваясь к телу: спина ныла от непривычной жёсткости матраса, плечи гудели.

Но внутри Рома чувствовал странную ясность, как перед контрольной у Степановича. Только на кону была не оценка, а всё.

Он поднялся, зажёг новую лампу. Мягкий, дрожащий свет выхватил из мрака Грома. Тот спал, сдвинув брови, будто даже во сне решал сложную задачу. Лицо было менее землистым, чем вчера, но глубокие тени под глазами выдавали всю глубину истощения.

Рома не стал его будить. Подошёл к стеллажам, начал бесшумно проверять собранный накануне рюкзак — каждый предмет по списку, мысленно проговорённому вслед за Громом.

Патроны в магазинах, магазины в подсумках. Граната — чекой наружу, чтобы не зацепить.

Всё на своих местах. Порядок был не просто привычкой — он был залогом жизни.

Запах кофе разбудил Грома быстрее любого будильника. Он, кряхтя, приподнялся, потянулся и замер. Лицо скривилось от резкой боли в боку.

— Живой ещё, — хрипло констатировал он, глядя на Рому, возившегося с жестяным котелком на «жарике». — И даже кофе варишь. Совсем своим становишься, пацан.

— Учусь, — коротко бросил Рома, разливая густую чёрную жидкость по кружкам.

Завтрак был делом неспешным, почти ритуальным: консервированная тушёнка, разогретая прямо в банке, твёрдые сухари, которые приходилось размачивать в кофе.

Они ели молча. Но тишина была не тягостной, а сосредоточенной. Гром время от времени бросал оценивающие взгляды на разложенное на столе снаряжение, кивая про себя.

— Ладно, — наконец отставил он пустую кружку. — Собираемся. Но перед этим надо заняться пополнением запасов.

Он поднялся и, прихрамывая, подошёл к дальнему стеллажу, выдвинул неглубокий ящик. Внутри лежали аккуратные, туго перетянутые бумажные пачки — патроны. И несколько банок тушёнки с полустёртыми этикетками.

— Зачем столько? У тебя же в разгрузке уже есть, да и у меня вроде достаточно, — не понял Рома.

— Тут, наверху, старые бумажки — мусор. В ходу то, что реально нужно: еда, патроны, лекарства. Это новая валюта нового мира. За банку тушёнки у торгаша можно и кофе выменять, и свечи, и информацию. За пару патронов — ночёвку в относительно безопасном месте. За сотню — жизнь спасут. Или, наоборот, отнимут.

Он помолчал.

— Бери, не думай.

Груз стал ещё тяжелее. Но теперь этот вес ощущался иначе — не как обуза, а как капитал. Запас прочности.

Собравшись, они замерли у выхода. Гром посмотрел на Рому.

— Теперь слушай.

Он, опираясь на плечо Ромы, показал на аккуратно отодвинутый в сторону кирпич и свисающую с него почти невидимую леску.

— Успел уже забыть про растяжку? На место нужно вернуть. Примитивная, но на невнимательного сработает.

Гром сделал выразительную паузу.

— Взрывчатка там нехитрая, но шума будет много. А того, кто полезет, уже не будет. Схрон наш, чужим тут делать нечего.

Рома, стараясь дышать ровно, опустился на колени. Пальцы, непривычные к такой тонкой работе, осторожно взяли кирпич — холодный и шершавый. Тонкая, почти прозрачная леска лежала рядом.

Мысленно повторив порядок действий, он медленно, без рывков, сдвинул кирпич на прежнее место, проследив, чтобы леска легла в специально вырезанную в нём тонкую бороздку.

— Нормально, — кивнул Гром. В его голосе прозвучало одобрение. — Не каждому удаётся с первого раза.

— Но если кто-то из своих…

— Все свои знают.

Рома вспомнил, как вчера он это сделал, даже не подумав, что одно резкое движение могло стать для него последним. От этой мысли ему стало не по себе.

Выйдя из подвала, они оказались в сером, безрадостном мире раннего утра.

Небо было затянуто сплошной низкой пеленой. Моросило. Воздух пах сырой землёй, ржавчиной и той самой «кислой» зеленью, которую Рома уже начал узнавать.

Он вдохнул полной грудью, ощущая холодную влагу на лице. Каждый раз очередной глоток свободы поражал его с новой силой.

Двигались они медленно. Нога Грома, хоть и затянувшаяся сверхъестественным образом, всё ещё была слабым звеном. Каждый шаг давался ему с усилием, лицо время от времени сводило от боли.

Рома шёл, готовый в любой момент принять на себя большую часть его веса. Они обходили открытые пространства, держась теней вдоль полуразрушенных стен, пробирались через завалы, где ржавые балки переплелись с буйно разросшимся мхом цвета запёкшейся крови.

— Слушай, Гром… а промедол? — первым нарушил тишину Рома.

— Ты из меня наркомана сделать собрался? — Гром едва заметно усмехнулся. — Всё бы ничего, да вчера последнюю использовал. Да и слишком часто нельзя — есть побочки.

Рома впитывал мир, стараясь запомнить каждую деталь.

Вот на облупившейся стене дома чьей-то рукой выведена краской кривая стрела и надпись: «Вода. Без аном.» — и зачёркнуто. Вот из трубы в фундаменте валит странный маслянистый пар, который не рассеивается, а стелется по земле сизоватым одеялом. Гром лишь мотнул головой в сторону: «Не наша дорога».

Вдруг Рома заметил какое-то движение в куче обломков у подножия покосившегося здания — промелькнуло что-то маленькое, юркое, размером с крупную кошку. Он замер, инстинктивно схватившись за приклад автомата.

Существо выскочило на открытое место: до болезненности тощее, с облезлой грязно-бурой шерстью, клочьями висящей на рёбрах. Морда — короткая, заострённая, с крошечными сверкающими чёрными бусинками глаз и парой длинных жёлтых торчащих клыков. Хвост, похожий на крысиный, но более толстый, нервно подёргивался. Оно суетливо рылось в мусоре, время от времени поднимая голову и щёлкая зубами.

Сердце Ромы гулко ударило в грудную клетку. Он резко дёрнул автомат, пытаясь привести его в положение для стрельбы, палец метнулся к скобе спускового крючка.

— Спокойно! — тихий, но жёсткий окрик Грома прозвучал прямо у него над ухом. Сильная рука легла на его предплечье, прижимая ствол вниз. — Не трать патроны. Это падальщик. Пока один — не опаснее крысы. Разве что зазеваешься — палец откусит.

Рома, всё ещё дрожа от адреналина, отпустил оружие. Существо, услышав голоса, метнулось под ближайшую плиту и исчезло, оставив после себя лишь лёгкое шуршание.

— Но его присутствие — хороший знак, — продолжил Гром уже нормальным тоном, снова оперевшись на Рому.

— Хороший? — не понял Рома.

— Морды, о которых я тебе рассказывал, те волкоподобные… их очень любят. Гоняют, как кошки мышей. Если недалеко шныряют падальщики — значит, серьёзных хищников поблизости нет. Либо они просто сытые. Оба варианта для нас хороши.

Напряжение понемногу стало спадать. Разговор, прерванный падальщиком, постепенно вернулся в прежнее русло.

— Гром, — осторожно начал Рома, — ты вчера сказал… про задание. Какое оно было? Зачем вы туда ходили?

Гром шёл молча несколько секунд, словно взвешивая слова.

— За мечтой, пацан. За глупой, детской мечтой старых солдат.

Его лицо будто закрылось.

— Задание… было важным. Не для всех, а для нас. Для выживания в целом.

Он выдохнул. В его голосе зазвучала усталая серьёзность.

— Несколько лет назад пошли слухи. Слухи о месте. Оазис, если хочешь. Участок земли, растянутый километров на двадцать. Говорили, там нет радиационных пятен. Тварей тоже почти нет — не заходят туда, будто чего-то боятся. Почва чистая — не то, что тут. Вода в подземном озере. В общем, место, где можно не просто выживать, озираясь по сторонам, а… полноценно жить. Строить, растить что-то настоящее. Последний клочок старого мира.

В голосе Грома на мгновение прозвучала несвойственная ему нота. Не надежды. Скорее яростной, почти религиозной веры.

— Координаты были утеряны, спрятаны, разбиты на части. Мы, егеря, несколько лет по крупицам собирали информацию. Выменивали у сталкеров, искали в старых уцелевших архивах. Наш командир, Макар, верил в это место как в Святой Грааль. И вот… мы, моя группа, наконец сложили кусочки пазла. Нам удалось найти точные координаты в старом геодезическом бункере на самой окраине.

Он помолчал.

— А когда шли назад… — он махнул рукой, — ты знаешь, что было дальше.

Рома слушал, заворожённый. В его груди что-то ёкнуло — тёплое и острое одновременно. Место без радиации. Где можно жить, не боясь. Как в его детских снах, которые он считал сказками.

— А по рации? — выдохнул он. — Почему нельзя было просто передать координаты? Связаться с вашей базой, сказать?

Гром хрипло, беззвучно рассмеялся, однако в смехе этом не было радости.

— Наивный ты. Рации у нас есть, причем мощные. Но у вояк аппаратура посерьёзнее. Им такие знания ох как нужны. К тому же, у некоторых банд есть свои перехватчики. Сигнал могут запеленговать, расшифровать, вычислить расположение базы. Или просто перехватить информацию. Рисковать всем ради одного сообщения? Нет уж. Информация должна идти с курьером. С живым человеком, который сможет её защитить или… уничтожить.

Он посмотрел на Рому. В его взгляде можно было прочесть всю тяжесть сказанного.

— Потому мы и идём. Потому я и выживал — чтобы эти координаты не пропали.

Примерно через час пути они вышли на широкую, заваленную плитами улицу. Вдалеке высились громады многоэтажек, похожие на мертвый каменный лес.

Гром указал на одну из них — с частично обрушившимся фасадом. Стены её были испещрены трещинами, словно морщинами на лице древнего великана, однако стальной каркас стоял прочно.

— Заходим, — сказал Гром. — Поднимемся, осмотрим путь сверху. Заодно передохну.

Подъём по тёмной, заваленной мусором лестнице был пыткой для Грома. Он практически вис на Роме, каждый его шаг сопровождался сдавленным стоном — нога явно не выдерживала такой долгой нагрузки.

На одном из этажей они наткнулись на груду костей. Человеческих — судя по проломанному черепу. Гром лишь бегло осветил их фонарём, буркнув: «Старое».

Наконец они вышли на крышу — вернее, на последний полуразрушенный этаж, откуда открывался вид на море руин.

Ветер тут был сильнее, холоднее. Он забирался под одежду, заставляя ёжиться. Гром, тяжело дыша, прислонился к уцелевшей колонне, достал из разгрузки компактный бинокль в потёршемся чехле. И начал медленно осматривать местность впереди.

Рома стоял рядом, сжимая автомат, и просто смотрел вперёд. Вид открывался одновременно подавляющий и завораживающий: бесконечное поле разрушения, прорезанное улочками-щелями, увенчанное остовами высоток-маяков. И над всем этим — низкое свинцовое небо.

Внезапно Гром замер. Его тело напряглось, пальцы, державшие бинокль, побелели.

— Чёрт… — прошептал он. В шёпоте было нечто большее, чем просто досада. — Мать твою…

— Что? — тревожно спросил Рома.

— Вон там, у синевато-чёрного здания. Один «быстрый». Стоит, будто на ветру сушится.

Гром медленно опустил бинокль. Его лицо стало каменным.

— А где один «быстрый»… там неподалёку и стая. Не близко, но они, кажется, двигаются в нашу сторону. Или мы в их.

Он тяжело опустился на сложенный из обломков парапет, достал флягу и отпил.

— Придётся переждать. Будем надеяться, что разбегутся по своим делам.

Они устроили короткий привал. Ели ту же тушёнку с сухарями, но сейчас еда казалась безвкусной — просто топливом. Гром почти не говорил, лишь изредка подносил бинокль к глазам и хмурился.

Рома сидел, прислушиваясь к ветру, к редким неясным звукам, доносившимся снизу. Внутри всё сжималось в холодный комок недоброго предчувствия.

Примерно через полчаса Гром встал, потянулся. Его лицо скривилось от боли.

Спуск дался ещё тяжелее подъёма. Гром сжал зубы так, что на скулах выступили белые пятна. Они вышли на улицу и, прижимаясь к развалинам, заскользили дальше, вглубь квартала.

Шли быстро, почти бесшумно, но Гром заметно припадал на больную ногу, и общий темп из-за этого замедлился. Рома то и дело оглядывался по сторонам, ему чудились то тени в боковых проходах, то шорохи за спиной. Но Гром шёл уверенно, сверяясь с картой, которую время от времени доставал из разгрузки.

***

Именно Рома первым услышал странный звук.

Сперва это был отрывистый, доносящийся откуда-то справа лай «морды» — азартный, охотничий. Потом он резко оборвался, перейдя в пронзительный короткий визг, который почти сразу сменился булькающим захлёбывающимся хрипом.

И наступила тишина.

Гром замер. Его лицо стало каменным.

— Понял? — тихо спросил он. — Морда наткнулась на «быстрых» и проиграла. Они здесь. И очень близко.

Они ускорились. Рома почти тащил Грома за собой, чувствуя, как тот всей тяжестью давит на его плечо. Дыхание парня стало громким, свистящим. Они выскочили на относи-

тельно открытую площадку — бывшую автостоянку, заваленную остовами машин, и тут же наткнулись на него.

Оно стояло метрах в двадцати перед ними, прислонившись к капоту сгнившего грузовика. «Быстрый».

Рому, впервые увидевшего эту тварь, охватил леденящий ужас от самой… неправильности существа.

Существо было худым, жилистым, выше человека, но с непропорционально длинными дугообразными руками, почти касавшимися земли. Кривая спина с горбом, торчавшим под рваной, похожей на мешковину кожей серого цвета. Голова — маленькая, безволосая, с впалыми глазницами, в которых тускло мерцали точки. Рот — широкий, безгубый, полный мелких острых зубов.

Оно не двигалось. Просто стояло, слегка раскачиваясь, и смотрело на них. Роме на мгновение показалось, что оно оскалилось.

— Огонь! — тут же скомандовал Гром, поднимая свой автомат.

Рома вскинул оружие, прижал приклад к плечу, как показывал Гром. Красная точка коллиматора заплясала на серой груди мутанта. Он нажал на спуск.

Грохот выстрела оглушил его, отдался в костях. Отдача резко толкнула приклад в плечо. Он не видел, куда полетела пуля. Мутант просто дёрнулся, будто от щелчка, и издал скрипучий звук — не то визг, не то смех.

Рома нажал снова. И снова.

Рядом строчил автомат Грома — короткими, точными очередями. Мутант затрепыхался, из его тела вырвались клубы тёмной, почти чёрной жидкости. Он отшатнулся от грузовика, сделал пару неуверенных шагов в сторону и рухнул на землю, дёргаясь в предсмертных конвульсиях.

Тишина, наступившая после стрельбы, оглушила их. В ушах гудело.

Рома стоял, тяжело дыша, смотря на то, что только что было живым. Автомат в руках казался невероятно тяжёлым.

Он только что убил. Не тварь из страшных рассказов, а конкретное, живое существо. И ощущения были… странными. Не было ни ужаса, ни торжества — лишь пустота и ледяная, тошнотворная ясность.

Вот так. Вот так это и делается.

— Молодец, — хрипло проговорил Гром, переводя дух.

Его лицо побледнело, хотя сам он казался на удивление собранным.

— Успокаиваться рано. Они нас уже выследили. Играются, твари! Эта была разведчиком. Ждут, когда мы побежим, устанем, начнём паниковать.

Он огляделся по сторонам. В его глазах мелькнуло беспокойство.

— И чёрт бы их побрал… откуда они тут, в этом районе? Их не должно здесь быть…

Как будто в ответ на его слова, из глубины улицы донёсся тот самый сухой, трескучий щелчок. Потом ещё один. И ещё.

Звук нарастал, сливаясь в мерзкую, невыносимую какофонию.

— Бежим! — взревел Гром и рванулся вперёд.

В ту же секунду нога его предательски подкосилась, и он едва не упал. Рома успел его подхватить. Они рванули. Дальше бег превратился в сплошной кошмар.

Они неслись по заваленной улице, то спотыкаясь, то падая, то снова поднимаясь. Гром ковылял, почти волоча ногу, каждый шаг вызывал у него сдавленные стоны. Рома тащил его, в панике оглядываясь по сторонам.

В просветах между руинами мелькали тени. Длинные, сгорбленные, двигающиеся неестественно быстро, они почти сливались с окружающим мраком. Однако они не атаковали. Лишь сопровождали — словно стая голодных псов, загоняющая раненого зверя.

Сзади, по бокам, впереди — везде мерещились скользящие тени. Иногда одна из них на секунду замирала — высокая, сгорбленная фигура, мелькавшая между обломками.

Одна из тварей взвыла и рухнула, сбитая очередью Грома. Вторая, выскочившая прямо перед Ромой, получила длинную очередь в упор и, захлёбываясь, отлетела в сторону.

Они ворвались в полуразрушенный маркет.

Внутри было темно, пахло плесенью и разложением. Гром, споткнувшись, едва не упал.

— Дальше… не успеем, — выдавил Гром. Его дыхание стало прерывистым, хриплым, а лицо было серым, влажным от пота. — До следующего схрона час, может, два хода… а в моём состоянии… у меня…

Он посмотрел на свою ногу.

— У меня кончаются силы. И они это чувствуют.

Он резко обернулся к Роме, схватил его за плечи. Взгляд был острым, пронзительным, лишённым всякой боли. Только холодная, стальная решимость.

— Слушай меня. Внимательно. Каждое слово.

Гром быстрым движением достал из нагрудного кармана сложенную карту и маленький промасленный листок бумаги. Развернул их на ближайшем обломке бетона.

— Вот карта. Наша территория. Здесь — база.

Он ткнул пальцем в точку в районе бывшего городского парка.

— Командир Макаров. Скажешь «от Грома» — он поймёт.

Потом он указал на листок. На нём были начертаны ряд цифр и букв. Координаты.

— Это самое главное. То, за что нас чуть не убили. Ты должен запомнить. Сейчас же. Наизусть. Как своё имя. Запомнил?

Рома кивнул. Он пробежался глазами по цифрам, повторяя их про себя. Широта, долгота. Они врезались в память раскалённым шрифтом.

— Запомнил, — хрипло сказал он.

— Хорошо.

Гром взял листок, чиркнул зажигалкой. Бумага вспыхнула жёлтым пламенем, обуглилась и рассыпалась пеплом.

— Теперь это только в твоей голове. Донеси. Любой ценой. Только командиру. И больше никому!

Он снова ткнул пальцем в карту.

— Иди вот по этому району. Здесь схрон, отмечен крестиком. Там переночуешь. Дальше через метро, станция «Парковая». Но не заходи глубоко, только переход до следующей станции. Там свои порядки, но обычно егерей не трогают. Скажешь, что один из нас.

Гром перевёл дыхание.

— Вот тут будь осторожен, участок с «пустотой». Иди только по отмеченной тропе. На карте всё подробно указано. Понял?

Он посмотрел Роме в глаза.

— Теперь ты один из нас. Если встретишь других егерей, скажи от меня. Чтобы до командира проводили.

Рома кивал. Его мозг лихорадочно фиксировал информацию, но внутри всё кричало от протеста.

— Гром… я не оставлю тебя… — начал было он. Голос дрогнул.

— Молчать! — Гром рявкнул так, что Рома отшатнулся.

В его глазах горел нечеловеческий огонь.

— Ты получил приказ! Твоя задача — донести информацию! Я — отвлекающий манёвр! Понял?!

Он схватил Рому за разгрузку, притянул к себе так близко, что Рома почувствовал его горячее, прерывистое дыхание.

— Ты выживешь. Ты должен. Чтобы всё было не напрасно. Теперь — беги! Вон в ту дыру в стене! И не оглядывайся! Беги, чёрт тебя дери!

Он оттолкнул Рому с такой силой, что тот отлетел на несколько шагов. В глазах Грома, всего на миг, мелькнуло что-то другое. Не приказ — просьба. И прощание.

Рома стоял, парализованный.

Из темноты цеха уже доносились торопливые шаркающие шаги, скрежет когтей по бетону. Гром повернулся к приближающемуся звуку, снял с предохранителя автомат.

— Я сказал: БЕГИ!

Рома развернулся и побежал.

Ноги сами понесли его к указанному пролому в стене. Он влетел в узкий тёмный проход, споткнувшись, ударился плечом о бетон.

Сзади раздалась длинная, яростная автоматная очередь. Крики и визги мутантов. Через несколько минут очередь сменилась более редкими, хлёсткими выстрелами. Стрелял «Стечкин».

Рома бежал, спотыкаясь, не видя ничего перед собой, ошеломлённый грохотом битвы, которая оставалась далеко за его спиной.

И затем — оглушительный взрыв. Граната.

Звук был таким, будто само здание вздохнуло в последний раз. После него наступила тишина. Мёртвая, всепоглощающая тишина.

Рома понял: Гром не дался живым.

Он бежал, пока в лёгких не стало жечь, пока ноги не стали ватными. Наконец рухнул за груду кирпича и заполз в узкую щель между плитами. Лежал, судорожно хватая ртом воздух, и слушал.

Тишина, только ветер и далёкий одинокой вой, не имеющий к нему никакого отношения.

В горле стоял ком, глаза предательски застилала влага. Не от страха, а от чего-то большего. От потери, которая жгла изнутри, от осознания случившегося.

Он не хотел верить, но внутри всё же понимал.

Рома сжал кулаки так, что ногти впились в ладони, боль прояснила сознание.

Он остался один, совсем один. В этом огромном, чужом мире. С последним приказом Грома, с координатами в голове. С тяжёлым, чужим автоматом в руках.

Рома глубоко вдохнул.

Воздух по-прежнему пах пылью, смертью и свободой. Но теперь эта свобода уже не казалась настоящей. Он посмотрел на карту, которую всё ещё сжимал в дрожащей руке. Нашёл своё примерное местоположение. Потом путь — первую точку до следующего убежища.

Он шагнул вперёд, навстречу одиночеству, опасности и долгу, который теперь был единственным, что у него осталось. Шаг за шагом, оставляя позади эхо взрыва и последнего приказа того, кто за три дня стал ему больше, чем просто человеком, которому он помог выжить.

Путь до базы только начинался.

Глава 7. ЧУЖОЙ ПОРОГ

Первые полчаса Рома шёл на автомате, ноги сами несли его вперёд, огибая препятствия. Сознание парило снаружи, наблюдая со стороны за сгорбленной фигурой в бронежилете, за её жалкой попыткой убежать.

Шум в ушах от выстрелов стих, сменившись гулом — как раковина, приложенная к уху. В этом гуле плавали обрывки: «Беги, чёрт тебя дери!» Сухой треск горящей бумаги. Глухой, окончательный грохот взрыва.

Рома споткнулся о торчащую из земли арматуру. Остановился, опершись ладонями о колени. Его вырвало. Скудный завтрак, кофе — всё вышло кислой, жгучей массой на ржавый бетон. Тело затрясло мелкой, неконтролируемой дрожью.

Он вытер рот рукавом и лишь тогда почувствовал запах: смесь пороха, собственной желчи и чего-то чужого, тлетворного, въевшегося в одежду там, в цеху.

Страх пришёл к нему не сразу, сначала он почувствовал оглушающую пустоту.

Как тогда, в четыре года, когда он впервые попал в бункер. Тогда он тоже не плакал. Просто смотрел большими, недетскими глазами на чужих взрослых людей, не понимая, куда делись тепло маминых рук и прочное, как скала, плечо отца.

Теперь это ощущение вернулось, умноженное на двадцать лет. Он снова стал ребёнком, брошенным в чуждом мире. Только вместо доброго лица тёти Ольги вокруг были руины, а вместо обещания «всё будет хорошо» — набор цифр в голове и холодная сталь автомата в руках. Он выпрямился, заставив себя сделать глубокий, дрожащий вдох. Холодный воздух обжёг лёгкие.

Затем последовал страх. Не благородный, острый страх перед лицом опасности, а гнетущий, ползучий ужас одиночества.

«Что, если я не смогу? Забуду координаты? А если Оазис — такая же сказка, как Изумрудный город?»

Мысли кружились. Он представил Петьку — тот, наверное, уже в пятый раз включает рацию, бьёт кулаком по столу.

Представил Фёдоровича, который качает головой: «Пропал пацан. Я же говорил…» Представил даже Степановича, как тот хмурит кустистые брови и что-то ворчит под нос.

А потом пришло самое страшное — самый тихий и самый беспощадный страх.

Страх того, что он сделал всё зря. Предал дом. Оставил Петьку. Вытащил на смерть чужого человека. Ради чего? Чтобы сейчас, сжимая в потной ладони чужой автомат, брести по кладбищу цивилизации, неся абстрактную надежду незнакомых людей?

Он с силой тряхнул головой, будто отгоняя мух.

«Нет. Не для них. Для него. Для Грома. Он доверил. Он… поверил».

Но верил ли? Или просто видел в Роме последний, хлипкий шанс? Человека-конверта. Курьера.

Несмотря на нахлынувшую безысходность, Рома, хоть и с трудом, всё же заставил ноги двигаться.

Механизм выживания, запущенный Громом, сработал. Он уже не просто смотрел на развалины — он сканировал их. Покосившийся балкон — хорошая точка для наблюдателя. Тёмный проём подвала — подходящее место для логова какой-нибудь твари. Свежий след на пыльной поверхности — три пальца, с когтями. Не «морда», что-то поменьше.

Карта в его голове оживала: повернуть здесь, пролезть через дыру в заборе там, обойти открытую площадь по узкой тропке между грудами плит.

Он делал это, не глядя на бумагу. Делал так, как этому научил Гром.

Путь до следующего схрона занял пару часов. Солнце, бледное и холодное, проползло по свинцовому небу и начало клониться к горизонту, окрашивая руины в цвет старой меди.

Рома подошёл к месту — бывшей районной ТЭЦ. «Котёл». Низкое здание из красного кирпича с провалившейся крышей.

Он залёг за груду шлакоблоков и наблюдал минут двадцать. Ни движения. Ни звуков.

Настоящий вход, согласно карте, был с обратной стороны, под гигантской ржавой ёмкостью для воды.

Сердце билось ровно. Страх отступил, уступив место холодной, сосредоточенной ясности. Он чувствовал себя и дичью, и охотником одновременно.

Ползком, от укрытия к укрытию, он обогнул здание.

Вот ёмкость. Ржавый остов, наполовину вросший в землю. Под ним, в бетонном основании, виднелась едва заметная, залитая бетонным наплывом прямоугольная дверца. Свежих следов не было. Пыль лежала ровным, нетронутым слоем.

И тут сознание, словно кинопроектор, выдало чёткую картинку: руки Грома, показывающие на кирпич и леску.

«Видишь?.. Если кто-то, не зная, сдвинет кирпич… Схрон наш, чужим тут делать нечего».

Рома не стал лезть сразу к люку — сначала осмотрел периметр.

В двадцати сантиметрах от дверцы, между двумя трещинами в бетоне, была натянута та же тончайшая леска. Незаметная, если не знать, куда смотреть. Если не помнить.

Рому охватило странное чувство — сродни гордости. Он оказался достоин урока.

Процесс обезвреживания он проделал медленно, с ледяной концентрацией. Тёплыми, уже менее дрожащими пальцами нащупал леску, провёл её в небольшую полость, замаскированную комком грязи. Внутри — примитивный, но эффективный механизм. Ловушка на невнимательного.

Он аккуратно отвёл леску в сторону, зафиксировал. Только после этого подошёл к люку.

Дверца была тяжёлой, засыпанной землёй. Сдавленно кряхтя, Рома сдвинул её на несколько сантиметров.

Первый схрон Грома был похож на убежище беглеца, но этот показался Роме самой настоящей крепостью солдата.

Перед ним предстало небольшое, вычищенное до блеска, помещение. Пол выметен. Стены из грубого бетона. Вдоль стены стояли стеллажи, сколоченные из ящиков. Везде царил идеальный порядок. Маркировка: «7.62х39», «5.45», «Гранаты РГД», «Аптечки инд.», «Сухпай 3». Всё расставлено по ранжиру, как на армейском складе.

Посередине комнатки стоял стол. Под стеклом на нём была расстелена топографическая карта с цветными маршрутами и пометками, похожими на иероглифы. Рядом стояла жестяная кружка, неподалёку лежали остро заточенный карандаш и компас.

Далее Рома заметил койки. Не матрасы на пружинах, а аккуратно заправленные армейские кровати. Одеяла сложены углом.

Это был не схрон. Это был штаб. Место, где живёт не просто человек. Где живёт дело. Дисциплина. Порядок. Братство.

Рома подошёл к столу. Под стеклом с картой он увидел приколотую кнопкой фотографию.

Трое мужчин в камуфляже, запылённые, но улыбающиеся. Он узнал Грома, на фотографии он был моложе, без шрама через бровь. Слева красовался богатырь с темной бородой и смеющимися глазами. Справа — худой, с жилистым лицом и пронзительным взглядом.

Они стояли на фоне развалин, закинув руки на плечи друг другу.

На обороте, твёрдым почерком Грома, было выведено: «На память. До Оазиса рукой подать. Г., В., Р.»

«Гром, Вепрь, Рысь» — догадался Рома. Затем осторожно положил фотографию обратно. Его пальцы потянулись к потрёпанному блокноту. Журнал наблюдений.

Страницы были исписаны тем же твёрдым почерком. Сухие, лаконичные записи:

«15.08. Стая „морд“ (5-6 особей) мигрирует на юг от промзоны. Проход через двор „Серой пятиэтажки“ чист.»

«18.08. „Рыжик“ у старой подстанции. Радиус увеличился на 10 метров. Обходить по меткам 7-Б.»

«21.08. Встреча со сталкером „Фантомом“. Обмен: патроны на информацию по туннелям метро. Доверять можно.»

И последняя запись — без даты:

«Координаты подтверждены. Готовы к выдвижению. Через пару дней домой.»

Рома закрыл блокнот и сглотнул.

В этом маленьком помещении до сих пор чувствовалось присутствие Грома — благодаря исписанной им карте и старой, но живой фотографии. Здесь Гром был по-прежнему жив — планирующий, наблюдающий, ведущий свою тихую войну.

Здесь же к Роме и пришло полное осознание того, что теперь он стал полноправным преемником, принявшим опасную эстафету. И груз этой эстафеты лёг на его плечи с невыносимой тяжестью.

Вечерние ритуалы он выполнил автоматически. Осмотрел вход, вернул растяжку на место. Съел холодную тушёнку прямо из банки. Почистил автомат, разобрав его так, как показывал Гром: магазин, затворная рама, газовый поршень. Прошёлся по каждой детали промасленной тряпицей. Процесс этот, к удивлению, подействовал на него успокаивающе.

Затем Рома переписал нужные фрагменты карты, сверил маршрут до станции «Парковая». Шёпотом, как мантру, повторил координаты Оазиса: «Пятьдесят семь градусов… ноль четыре минуты… северной широты…»

Закончив со всеми приготовлениями, он достал из потайного кармана рюкзака своё единственное сокровище, которое успел прихватить с собой, когда покидал свой дом, — потрёпанную заламинированную страницу из «Волшебника Изумрудного города». Элли и Тотошка на жёлтой дороге, а вдали виднеется сияющий сказочный город.

Он положил её на стол рядом с фотографией трёх егерей.

Две иллюзии. Два града. Один — из детской сказки, обещающей чудо. Другой — из суровой легенды, обещающей лишь шанс.

Ключ и замок. И он, Рома, был теперь и путником, и курьером, несущим этот самый ключ.

Укладывая вещи, парень нащупал что-то твёрдое в боковом кармане и торопливо достал согнутый потёртый листок, который точно не клал туда сам.

Сердце ёкнуло. Он развернул листок.

Знакомый твёрдый почерк ударил в глаза. Гром.

Всё внутри Ромы замерло, а потом рванулось вперёд — надежда, страх, жгучее любопытство. Руки затряслись. Он сел на койку, прижал листок к колену в попытке словить свет лампы и начал читать.

«Ну что ж, пацан. Если ты это читаешь, скорее всего, меня уже нет. Я долго откладывал, не хотел на тебя взваливать эту ношу, но видимо… не справился. Надеюсь, я успел тебе всё объяснить. Хотя бы азы. Ты хороший парень, Рома. Благодарен, что не оставил меня и помог протянуть ещё немного. Честное слово.

То, что я тебе рассказал об этом мире — только верхушка айсберга. Остальное тебе предстоит узнать самому на своей шкуре.

Самое главное — это координаты. Ты должен их донести до Командира. Только ему. И больше никому! Слышишь? Даже другим егерям. Если же встретишь нашего брата, что вполне

возможно — объясни всё. Скажи, что выполняешь моё поручение. Но без подробностей. Они помогут.

Если встретишь сталкеров — большинство бывалые, в беде не бросят. Но… не доверяй никому, кроме Командира.

Я верю, ты дойдёшь. Теперь ты догадался, почему я приказал взять побольше патронов и еды. Но я хочу быть уверенным, что ты всё же дошёл до схрона. И додумался про растяжку. Будь осторожен. Таких сюрпризов понатыкано много где. Всегда будь бдительным!

По поводу карты — всегда держи её близко, а лучше всё копируй в голову. Но если тебя прижмут — рви, жги, уничтожай. Чужим её видеть нельзя.

Береги себя. Гром.»

Слова плыли перед глазами, хоть Рома и перечитывал их снова и снова.

И тогда его накрыло. Не сжатым комком в горле, а ясным, холодным осознанием.

Гром знал. Он знал с самого начала. Шёл, зная, что, скорее всего, не дойдёт. Но шёл до последнего вздоха, до последнего патрона, чтобы оттянуть время, отвести угрозу. Дать ему, Роме, эти лишние метры, минуты.

Он был уже обречён, но вёл себя как живой. Это был не провал, а спланированный отход. И он, Рома, стал главным резервом.

Волнение переплавилось в твёрдую решимость.

Он представил грубые пальцы, выводившие эти буквы при свете такой же лампы. Последние слова, последняя надежда.

Парень погасил лампу. В ту же секунду его накрыла густая тьма. В ней он лёг на чужую койку.

Тишина здесь была особенной. Не мёртвой тишиной улиц, где каждый шорох казался угрозой; не гулом Блока — это была тишина ожидания, тишина крепости.

Рома закрыл глаза. И увидел не темноту, а лицо Грома, кричавшее ему вслед: «БЕГИ!»

Где-то там, в чёрной яме полуразрушенного маркета, лежало то, что осталось от Грома. Роме подумалось, что город уже начал свою работу над трупом. Что с ним станет дальше? Дождь смоет кровь. Падальщики обглодают остатки плоти. Кости побелеют и рассыплются в прах.

Останется только память. Твёрдый хриплый голос, ухмылка в уголке рта, тяжёлая рука на плече. И набор цифр, географическая точка, призрак обитающий в задворках сознания Ромы.

Рома открыл глаза и посмотрел в невидимый потолок.

Он не молился, не думал о Боге. Он думал о долге — о нечеловеческой тяжести, которая легла на его плечи. Она давила, не давая вздохнуть, но в то же время и не давая развалиться.

Снаружи, сквозь толщу земли и бетона, донёсся знакомый далёкий, протяжный вой. Не «морды». Что-то другое, более тоскливое и одинокое.

Рома повернулся на бок. Дыхание выравнивалось, становилось глубоким и медленным. Тело, измученное адреналином, болью и переходом, сдавалось, погружаясь в сон.

И в этот миг, на самой грани, он понял самое страшное: он уже не боялся заснуть, он боялся проснуться.

Рома знал, что утром ему снова придётся надеть этот бронежилет, сплетённый из стали и чужих надежд. Взять автомат. Закинуть на плечи рюкзак, набитый патронами и едой.

И идти, просто идти, пока несут ноги. Пока не сотрутся цифры в голове. Пока не кончатся патроны.

Или пока этот мир наконец не решит, что на сегодня с него достаточно.

Глава 8. ТЕНЬ НА ПОРОГЕ

Рома бежал по бесконечной бетонной плите, уходящей в никуда. Вокруг не было стен — только серая плоскость, сливающаяся с чёрным небом.

Он знал: сзади кто-то есть. Не видел, не слышал — просто чувствовал спиной, тем местом между лопаток, которое всегда холодеет в такие моменты.

Он услышал шаркающие шаги. Они не приближались, но и не отдалялись. Звук шёл отовсюду: из-под земли, с неба, из его собственной груди.

Рома бежал, вдавливая подошвы в бетон, но ноги увязали, воздух становился густым, как кисель.

Он не сбавлял темп. Резким, отчаянным движением вскинул автомат и нажал на курок. Оглушительная очередь прорезала тишину. Красные вспышки выхватили из мрака куски реальности: край стены, трещину в бетоне, чью-то неестественно застывшую в отдалении тень.

В ответ он услышал не визг, а тихое, довольное шипение. Будто его выстрелы не причинили боли, а лишь раззадорили. Будто Тот, Кто Шёл Сзади, наконец нашёл то, что искал, и теперь смаковал добычу.

Рома свернул за угол. Пробежав ещё полсотни метров, он споткнулся и упал.

Удар. Пыль во рту. Бетон — холодный, шершавый, пахнущий временем и запустением. Он зарылся лицом в эту пыль, пытаясь спрятаться, стать маленьким, невидимым.

Когда Рома поднял голову, Оно уже стояло в конце улицы, примерно в сорока метрах. Там, где дорогу перекрывала груда обрушившихся плит.

Существо было невероятно худым, лишённым чётких очертаний. Казалось, его тело было соткано из самой ночи, вывернутой наизнанку. Оно не имело лица, лишь тёмную впадину там, где должны быть глаза, и две красные точки — не горящие, а мерцающие, как угли под слоем пепла.

Ниже — разрез, напоминающий рот. Оттуда сочился тот самый хриплый, довольный звук.

Оно не двигалось. Просто стояло и смотрело. Всей своей чудовищной сутью — прямо в него.

Рома попытался вскинуть автомат. Палец нащупал курок. Щелчок. Пусто.

Он нажал снова — тот же сухой, беспощадный звук. Магазин был пуст.

— Нет, нет, нет… — зашептал Рома, судорожно шаря по разгрузке.

Пальцы — непослушные, чужие — скользили по подсумкам. Они не могли зацепить застёжку, не могли сдвинуть защёлку. Не слушались.

Он видел, как Тень сделала шаг. Медленный, почти церемониальный. Будто ей никуда не нужно спешить, будто он уже был её.

Воздух вокруг похолодел. Запах гнили — сладковатый, тошнотворный — заполнил лёгкие. Казалось, он шёл не снаружи, а изнутри.

Тварь сделала ещё шаг. Тридцать метров.

Её рука — или то, что ею казалось — медленно поднялась. Указывала.

Хрип перешёл в беззвучное шипение, от которого кровь в жилах превратилась в лёд.

И Рома…

Он дёрнулся так резко, что чуть не слетел с койки.

Всё тело было мокрым и липким. Матрас под ним насквозь пропитался потом. Сердце колотилось в попытке вырваться наружу.

Рука заметалась по столу в кромешной тьме. Нащупала фонарь. Судорожное движение — и палец вдавил кнопку.

Яркий луч ударил в глаза, ослепив Рому. Он зажмурился, потом слегка приоткрыл веки, привыкая к свету.

Сперва луч фонаря осветил аккуратно заправленную койку, затем —стеллажи с ровными рядами припасов и наконец стол. На столе — карта под стеклом, фотография трёх улыбающихся мужчин в камуфляже. Тот же самый схрон — убежище Грома.

Он здесь. Живой. Один.

Рома выдохнул. Воздух вышел со стоном, которого он не узнал: чужим, надрывным, старческим. Тело всё ещё дрожало. Мышцы сводило судорогой, будто он и вправду бежал по этим бесконечныи бетонным плитам.

Это был сон. Всего лишь сон, но настолько реальный, что в ноздрях до сих пор стоял тот самый запах. Сладковатая гниль. Дыхание Той, Которая Ждала В Конце Улицы.

Он провёл ладонью по лицу. Жёсткая, колючая щетина царапнула кожу. За пару дней он оброс так, как в Блоке обрастал за месяц.

«Услышишь шаги — замри и молись».

Голос Грома звучал в голове так отчётливо, будто тот сидел на соседней койке. Но Рома не обернулся — он знал, что никого там не увидит.

Пустота. Аккуратно заправленный матрас. Нет тяжёлого, ровного дыхания. Нет ворчания во сне. Нет этой странной, обманчивой безопасности, когда рядом находится тот, кто знает, что делать.

Он сжал веки. До боли. До белых пятен под закрытыми веками. Как же ему сейчас хотелось услышать: «Не бзди, пацан».

Ведь ему было страшно — он боялся так, как не боялся даже в тот момент, когда мутанты перли на них со всех сторон. Потому что тогда рядом был Гром. А теперь… его нет.

Рома открыл глаза. Посмотрел на дешёвые армейские часы, которые успел найти на стеллажах.

04:17.

До рассвета ещё далеко. Уснуть снова он все равно бы не смог— адреналин всё ещё звенел в крови, а образ той твари, пусть и размытый, висел в сознании тяжёлым предупреждением.

Он отодвинул фонарь, дрожащие руки, ещё не верящие в сон, потянулись к керосиновой лампе. Рома чиркнул спичкой.

Пламя родилось, качнулось, устояло. Мягкий, живой свет разлился по комнате, отгоняя кошмар в углы. Стало легче дышать.

Он сидел на краю кровати, пытаясь вспомнить лицо твари. Не получалось. Оставалось только ощущение: леденящая пустота, всепоглощающий ужас перед ничем, обретшим волю.

Керосин пах уютно, по-домашнему. Рома смотрел, как пляшет фитилёк, и постепенно дыхание его выравнивалось. Порядок вокруг — чистый пол, ровные ряды на стеллажах, заточенный карандаш на столе — действовал успокаивающе.

Всё-таки Гром был солдатом. Солдаты не оставляют после себя хаос.

Он встал. Ноги всё ещё мелко дрожали, но он заставил их идти.

Подошёл к примитивной, но аккуратно собранной умывалке в углу — жестяной таз, канистра с водой, кусок серого мыла. Плеснул в лицо ледяной водой. Потом ещё раз, и ещё.

Резкий холод ударил по коже, стянул поры, прояснил сознание. Он умывался тщательно, с остервенением, будто пытался смыть не только пот, но и липкий ужас сна. Провёл мокрыми ладонями по затылку, по шее.

Голод напомнил о себе тупым, ноющим сосанием под ложечкой. Он подошёл к стеллажам. Консервы, сухари, пайки…

И тут его взгляд упал на небольшую жестяную банку.

Кофе.

На приклеенной вручную этикетке — твёрдый, размашистый почерк: «Кофе. Беречь от сырости».

Рома невольно улыбнулся. Гром бы одобрил. Он вообще многое одобрил бы в этом утре: порядок, ранний подъём, правильные приоритеты.

Парень развёл огонь в самодельной керосинке, сделанной на совесть. Поставил котелок. Пока вода закипала, открыл банку тушёнки, разогрел её прямо в жестяной таре над пламенем. Достал сухари. Разложил всё на столе.

Процесс был простым, почти успевшим стать ритуальным. Степанович учил: «Ремонт начинается с осмотра, а осмотр — с порядка на столе. Не можешь организовать инструмент — не починишь механизм». Гром добавил к этому другое: «Не можешь организовать еду — не выживешь».

Рома налил кофе в две кружки. Густая чёрная жидкость пахла дымом, горечью и обещанием бодрости.

Одну кружку он поставил перед собой. Вторую — на противоположный край стола.

Туда, где сейчас сидел бы Гром.

Это было глупо. Он не верил в призраков, в духов, в посмертные голоса. Двадцать лет в Блоке отучили от мистики: там всё объяснялось физикой, химией, механикой. Смерть была концом, как выключенный прибор.

Но сейчас — это был жест. Знак уважения и прощания. Тихий тост за того, кто на пару дней стал ему отцом, учителем и, как ему казалось, другом.

— За тебя, — тихо сказал Рома в тишину подвала. — И за твой Оазис.

Голос прозвучал хрипло. Он отхлебнул кофе.

Ел он сосредоточенно, без спешки. Жирная, солёная тушёнка. Твёрдые сухари, которые приходилось размачивать. Простая, грубая пища.

За завтраком он смотрел на фотографию под стеклом. Трое улыбающихся егерей. Когда-то и они верили, и так же цеплялись за жизнь.

Рома доел, убрал посуду. Медленно, методично собрал рюкзак.

Пересчитал патроны в магазинах — два полных, один неполный. Взял ещё две гранаты, которые аккуратно уложил в подсумки, чекой наружу, как учил Гром.

Взгляд остановился на стеллаже с оружием. Автомат был мощным, но тяжёлым — не самый лучший выбор для стрельбы на ходу или в тесноте. Нужно было что-то компактнее.

Он порылся в ящике и нашёл пистолет. Автоматический пистолет Стечкина. Брат-близнец того, из которого Гром отстреливался перед смертью.

Рома взял его в руки. Вес показался ему приятным, сбалансированным. Нашёл два снаряжённых рожка и кобуру.

И снова взглянул на карту. Маршрут до станции «Парковая» он проложил ещё вчера. Полдня хода в нормальном темпе. Но он понимал, что нормального темпа не будет. Будут обходы «пустот», будут твари, будет собственная осторожность, граничащая с паранойей.

Часы показывали без четверти семь.

Перед выходом Рома ещё раз обернулся. Взгляд упал на фотографию. Три человека. Три судьбы. Одна мечта.

Он не был религиозен. Никто в Блоке не был религиозен — Бог не спас его родителей, не остановил то, что случилось, не вернул людям веру в себя. Но сейчас, глядя на улыбающиеся лица, Рома позволил себе нечто, похожее на молитву.

«Я дойду. Я донесу. Я не подведу».

Он погасил лампу.

Тьма обняла его, но теперь это была не тьма кошмара. Это была рабочая, деловая тьма утра, когда нужно двигаться.

Люк отъехал в сторону.

Утро на поверхности встретило его колючим ветром. Дождь кончился, оставив после себя сырость, висящую в воздухе мелкой взвесью. Ржавые поверхности блестели, отражая низкое свинцовое небо. Где-то вдалеке, над руинами, кружила птица с неестественно длинными крыльями.

Рома сделал глубокий вдох. Воздух пах влажной землёй, металлом, той дикой, неубиваемой зеленью, которая пробивалась сквозь бетон. И ещё — свободой.

Страх ночного кошмара отступил. Осталась холодная, бодрящая собранность.

Он двинулся в путь.

Первые несколько часов прошли в режиме «фон». Рома просто шёл, внимательно осматривая пространство, как учил Гром.

Он миновал лабиринт покосившихся зданий, пролез через дыру в заборе, пересёк кладбище ржавых автомобилей. Падальщики попадались часто, но держались на расстоянии. Шныряли в мусоре, щёлкали зубами, не обращая на него внимания.

«Хороший знак, — подумал Рома. — Значит, крупных хищников рядом нет».

Рома вышел к широкому проспекту. Здесь когда-то кипела жизнь — машины, люди, все куда-то спешили, куда-то шли. Теперь от той жизни остались лишь остовы автомобилей, покосившиеся столбы, да выбитые витрины.

Рома решил подняться на крышу уцелевшего здания в углу — бывшего офисного центра. Обзор сверху мог сэкономить часы блуждания.

Подъём по тёмной лестнице был напряжённым. Каждый этаж сопровождала проверка на прочность. Тишина. Пыль. Запах пустоты. К облегчению, здание оказалось пустым, лишь ветер гулял по коридорам, да с потолка сыпалась труха.

Он вышел на последний этаж с обрушенным парапетом. Отсюда открывался вид на многие километры.

Море руин под низким небом. Серое, бескрайнее, уходящее за горизонт. Острые шпили разрушенных высоток — как сломанные зубы.

Где-то вдалеке, у промзоны, поднимался тонкий столб дыма — то ли громадный костёр, то ли тлеющий пожар.

Рома достал карту, сверился с местностью. До «Парковой» — ещё часа три-четыре, если без задержек. Он уже собирался спускаться, как вдруг ветер донёс обрывки звуков.

Не вой и не скрежет. Голоса.

Рома замер, прислушиваясь.

— …я тебе говорю, этот район наш!..

— Да ладно, проехали. Ты лучше на малого глянь, чего там у него…

Грубые, ломаные, с матерком через слово. Не разговор, скорее перекрикивание.

Рома бесшумно спустился на первый этаж, прижимаясь к стене. Выглянул из-за угла.

Сердце пропустило удар.

Впереди, на площадке перед полуразрушенным магазином, показались трое.

Двое были явными хозяевами положения. Крепкие, одетые в лоскутное подобие камуфляжа, с наварками из кожи. На одном — разболтанная ушанка с оторванными ушами. На другом — бандана, закрывающая пол-лица. Автоматы. Не новые, обвешанные «колхозом», но рабочие.

Третий лежал на земле у их ног. Совсем молодой парень — на первый взгляд чуть старше самого Ромы. Одет в простой поношенный камуфляжный костюм, рюкзак валялся поодаль, вывернутый. Лицо бледное, испуганное. И… рыжие вихры, выбивающиеся из-под капюшона. Почти как у Петьки.

— Мужики, ну вы чего? — голос лежащего дрожал, но в нём всё ещё теплилась отчаянная бравада. — Я же всё отдал! Патроны, еду… У меня ничего больше нет!

— Молчи, щенок! — тот, что в ушанке, пнул его. Не сильно, но унизительно, носком сапога в бок.

— Ты не просто забрёл. Ты в наш район сунулся. А у нас, малой, правила простые: или платишь за проход, или… становишься платой.

— Да я вам и так всё отдал! — парень попытался приподняться, опершись на локоть.

Бандит в бандане присел на корточки, ткнул ему стволом в грудь.

— Видишь ли, у нас план по сдаче живого товара не выполнен. А вояки, слышь, щедро платят за здоровых пацанов. Так что не обижайся — в обменный фонд на опыты пойдёшь. Будешь науке служить.

Он хрипло рассмеялся.

— Вы что, сдурели?! — в голосе рыжего прозвучал чистый ужас. — Да меня там заживо…

— А нас не колышет, — перебил тощий, снова тыкая стволом ему в грудь. — Ты на наш район зашёл? Зашёл! Закон таков: всё, что на территории, наше. И ты теперь тоже наш.

— Пожалуйста… — парень попытался снова подняться, но коренастый грубо пнул его обратно.

«Вояки. Опыты. Наука. Те самые палачи в белых халатах».

Голос Грома звучал в ушах, накладываясь на хриплый смех бандита и испуганное лицо рыжего парня, который был так похож на Петьку.

Рома смотрел на эту сцену, и внутри у него всё холодело. Отморозки. Те самые, про которых рассказывал Гром: «Самые опасные твари — люди».

Логика выживания шептала: «Иди своей дорогой. У тебя координаты. У тебя задание. Это не твоё дело».

Он видел, как плохо лежат автоматы у бандитов, как они уверены в своей безнаказанности. Двумя точными выстрелами…

Но выстрелить в людей? Даже в таких?

Это были не твари, не мутанты. Это были человеческие лица, пусть и перекошенные жестокостью.

Рука не поднималась. В животе образовался тошнотворный ком. Он вспомнил хладнокровный расчёт Фёдоровича в кабинете, обсуждавшего «гуманное решение» для Грома. Это было то же самое. Но здесь, сейчас, он был и судьёй, и палачом в одном лице.

Рома смотрел на рыжего парня. Тот лежал на холодном асфальте, сжимая кулаки, пытаясь не заплакать.

И Рома понял: он не сможет уйти.

Что-то в нём щёлкнуло. Не ярость и не героизм, а чистая, холодная необходимость. Эти люди — раковая опухоль этого мира. Они продадут своего же, убьют за банку тушёнки. И если он пройдёт мимо, он станет соучастником. Он предаст не этого незнакомца, а того самого Рому из Блока, который верил в человечность.

Движения стали чёткими, почти механическими. Он вскинул автомат, поймал красную точку коллиматора на виске коренастого. Палец лёг на спуск. Перевёл переводчик в положение «одиночный огонь». Сердце заколотилось, но руки были спокойны.

Вдох.

Задержка.

Выдох.

БАХ!

Звук выстрела грохнул, как кувалда по пустой бочке. Эхо заметалось между зданиями, многократно усиленное.

Бандит дёрнулся. Голова резко откинулась назад, будто кто-то невидимый ударил его в подбородок. Он постоял так секунду — странно, почти танцевально, и рухнул на бок.

Тёмное пятно быстро расползалось под его головой по асфальту.

Второй бандит замер. Мозг его отказывался верить. Ещё секунду назад они были хозяевами положения: пленный, оружие, власть. И вдруг — напарник лежит, из башки хлещет кровь.

— А-а-а! Сука! Кто? Откуда?!

Он запаниковал. Заметался на месте, паля длинной, бессмысленной очередью в сторону. Пули взвизгнули, врезались в стену в метре от Ромы, выбив облако кирпичной крошки.

Рома не упал. Не отшатнулся.

Он снова поймал красную точку. На этот раз на груди.

Плавный выдох.

БАХ!

Пуля ударила точно в солнечное сплетение. Бандит захрипел — странно, булькающе. Автомат выпал из ослабевших пальцев. Он медленно, как в замедленной съёмке, осел на колени, схватился руками за живот. Посмотрел вперёд — туда, где стоял невидимый стрелок.

В его взгляде не было ненависти. Только непонимание.

Он повалился лицом вниз, и наступила звенящая тишина. Даже ветер стих, будто испугавшись.

Рома стоял, не двигаясь. Автомат всё ещё прижат к плечу. Палец — на спуске. Он смотрел на два неподвижных тела, и мир вокруг сузился до размеров этой картинки.

Тошнота подкатила к горлу. Не постепенно — ударом. Кислая, жгучая волна.

Он убил людей.

Не мутантов. Не тварей. Людей. Которые дышали, смеялись, чувствовали боль. У которых, наверное, где-то были семьи. Которые пару минут назад были живыми.

Руки задрожали. Автомат вдруг стал невероятно тяжёлым, неподъёмным.

Перед глазами всплыло лицо первого бандита в момент попадания. Не шрам, не кривой оскал, просто удивление. Короткое, быстрое, как вспышка. Будто он хотел спросить: «Ты что, серьёзно?»

Рома сглотнул.

Рыжий парень на земле не двигался. Он лежал, вжавшись в асфальт, с широко раскрытыми глазами. Смотрел на мёртвых бандитов. Потом перевёл взгляд на Рому, который вышел из-за укрытия и медленно, как во сне, шёл к нему.

Автомат в руках Ромы всё ещё был направлен в их сторону.

— Мужик! Мужик, я не с ними! — затараторил парень, вскидывая руки. — Они меня ограбили, я обычный сталкер! Спасибо, что…

Он осекся, увидев лицо Ромы.

Оно было не злым. Не торжествующим. Оно было отсутствующим. Бледным, каменным, с глазами, смотрящими сквозь собеседника, сквозь стены, сквозь время — туда, где на асфальте расплывались два тёмных пятна.

Рома подошёл. Отпустил ствол. Молча протянул руку.

Парень схватился за неё, как утопающий за соломинку. Вскочил, потирая ушибленный бок.

— Спасибо! Я думал, всё… Эй! — глаза его расширились. — Выстрелы! Сюда сейчас сбегутся! Друзья этих ублюдков…

Он покосился на лежащие тела, сглотнул, но взял себя в руки и бросился к ним. С профессиональной, почти циничной быстротой обшарил карманы, сдёрнул разгрузки, подобрал валяющиеся автоматы. Сгрёб всё в кучу. Накинул свой рюкзак.

— Бежим! Быстро!

Рома, всё ещё пребывающий в оцепенении, машинально двинулся за ним.

Они бежали долго. Без дороги, без направления — лишь бы подальше. Проходы между домами, проломы в стенах, тёмные арки. Ноги сами несли тело, пока разум пытался догнать реальность.

Они ворвались в подъезд какого-то уцелевшего дома. Взлетели на третий этаж. Парень толкнул первую попавшуюся дверь, и они ввалились внутрь.

Пустая квартира. Пыль, запустение, выбитые стёкла. Но стены целые.

Парень прислонился к стене, сполз по ней на корточки, тяжело дыша.

— Фух… Вытащил ты меня, браток. Серьёзно.

Рома не ответил. Он стоял у окна, глядя на улицу. Автомат висел на плече, но руки всё ещё дрожали. Он сжал кулаки, пытаясь загнать дрожь внутрь.

— Меня Игорь зовут, — парень протянул руку. Она была в грязи, в чужой, засохшей крови.

— Рома.

— Откуда ты, Рома? — Игорь смотрел с нескрываемым интересом. — Такая экипировка… Автомат с приблудами, пистолет на поясе, броник не самопальный… Ты явно не простой сталкер.

Рома промолчал.

— Ладно, не хочешь не надо, — Игорь махнул рукой. — Я с «Садовой». Станция метро.

Он заметил отсутствие реакции у Ромы.

— А ты куда шёл?

Рома колебался. Можно ли было доверять незнакомцу? Он внимательно посмотрел на рыжего. В глазах паренька читалась искренняя благодарность, а не подвох, ведь всё-таки Рома был его спасителем.

— На «Парковую» нужно, — коротко сказал Рома.

Игорь присвистнул.

— «Парковая»? Туда от нас часа два. Только… ты уже не успеваешь.

— Почему?

— А ты не знаешь? — Игорь удивлённо вскинул брови. — Комендантский час. После шести вечера на поверхность сталкеров не выпускают, а с поверхности не впускают. Новые правила, с месяц как. Из-за какой-то угрозы, говорят.

Рома взглянул на часы, он не успевал.

— Давай ко мне, на «Садовую», — предложил Игорь. — Переночуешь. Утром выйдешь. Или… если хочешь, могу через туннели провести. От нас до «Парковой» не то, чтобы рукой подать, придётся по ветке круг дать. Там, правда, за проход платить придётся… Зато безопаснее.

«Не заходи глубоко в метро». Слова Грома будто сами отпечатались в голове.

Но и дойти обратно до схрона до наступления темноты он бы не успел. Ночевать на поверхности — верная смерть. А Игорь, кажется, не врал. Он напоминал Петьку: такой же болтливый, с горящими глазами, выживальщик, но не бандит.

— Ладно, — согласился Рома. — На «Садовую». Только до утра. А дальше через верх пойду.

Игорь широко улыбнулся.

— Отлично! Пошли, пока шум от стрельбы не привлёк кого похуже этих уродов. Мы, конечно, прилично отбежали, но мало ли.

Они двинулись в путь. Игорь оживлённо болтал, расспрашивая Рому то об оружии, то об экипировке, удивляясь, как такой молодой парень оказался так хорошо оснащён. Рома отвечал односложно, больше слушая. Постепенно напряжение начало спадать.

Было странно идти рядом с живым человеком, слышать человеческую речь после долгих часов одиночества.

— Слушай, а ты… не егерь, часом? — вдруг спросил Игорь, бросив косой взгляд.

Рома, не подумав, машинально кивнул.

— Да.

Игорь резко остановился, уставившись на него с новым, почти благоговейным интересом.

— Серьёзно? Егерь? Да ты шутишь! Все егеря — бывалые деды, лет по сорок-пятьдесят! Они же считай с самого начала тут! А тебе… ну, не пятьдесят — это точно!

Рома пожалел, что проговорился.

— Я… с ними связан. Выполняю задание.

— Понятно, понятно, — закивал Игорь, но в его глазах читались и недоверие, и жгучее любопытство.

— Секреты, дела… Ладно, не буду лезть. Просто знай: егерей у нас уважают. И боятся.

Они шли ещё около двух часов, постепенно углубляясь в более уцелевшие районы города. Здания здесь были менее разрушены, на некоторых даже сохранились стёкла. Чувствовалась какая-никакая жизнь: попадались следы костров, на стенах — свежие граффити-предупреждения. Один раз они даже слышали вдалеке голоса, но Игорь искусно обошёл то место.

Наконец они вышли на широкую площадь, в центре которой зияла чёрная пасть входа в метро. Когда-то величественное здание, облицованное гранитом и стеклом, теперь напоминало череп. Гранит был в трещинах и оспинах от осколков, стеклянные двери выбиты давным-давно — лишь алюминиевые переплёты торчали, словно сломанные рёбра.

Над провалом входа всё ещё держалась массивная арка. Тяжёлые бронзовые буквы, некогда гордо несшие имя «САДОВАЯ», теперь держались на честном слове. Буква «Д» оторвалась и висела вниз головой, удерживаемая единственным погнутым штырём. Она тихо скрипела на ветру, словно хотела оторваться и упасть, но её удерживала какая-то неведомая сила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.